

К-0
Ф-53 / 70 /

Изъ книгъ
ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА
ПРОТОИЕРЕЯ
Д. О. КАСИЦЫНА.

СХИМОНАХЪ ФИЛИППЪ,

основатель Пещерной обители и Киновіи Боголюбивой Богоматери, при Геесиманскомъ скитѣ, близъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

4904.

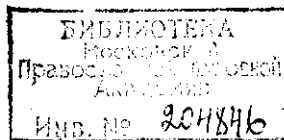
Составилъ С. А. Кельцевъ.

СЪ ФОТОЛИТОГРАФИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ

схимонаха Филиппа и дѣтей его іеромонаховъ Голактіона, Прокопія и Лазаря и видомъ Киновіи.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ИСТОРИЮ ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНЬКИ.

МОСКВА. 1882 г.

Издание принадлежит автору.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КНИГОСЛОВАРЬ

Дозволено цензурою. Москва, апрѣля 3 дня, 1882 г. Протоірей *Зерновъ*.

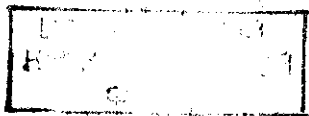

ФОТО-ГРАВИЮРА М. САМОЙЛОВА.

Галактіонъ.

СХИЗОНАХЪ ФИЛИППЪ
и его дѣти.
Лаваръ.

Прокопій.

СЗАДИ ВИДЪ ЧАСТИ КИНОВИИ.

СХИМОНАХЪ ФИЛИПЪ,

основатель Пещерной обители и Киновіи Боголюбивой Богоматери, при Геосиманскомъ скитѣ близъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Нѣтъ мѣстечка въ самыхъ отдаленныхъ даже уголкахъ нашей Руси православной, гдѣ бы не чтилось имя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго Чудотворца, гдѣ-бы не знали древней Россійской святыни — Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, въ продолженіи пяти слишкомъ столѣтій хранимой и утверждаемой промысломъ Божиимъ. Десятками тысячъ стекаются ежегодно чада Церкви православной на поклоненіе мощамъ великаго подвижника, молитвами своими неоднократно спасавшаго Россію отъ золь и бѣдъ; и какъ много между ними страждущихъ и недужныхъ стремятся пасть передъ священною ракою, въ надеждѣ получить исцѣленіе! Помолившись въ Лаврѣ, поклонившись мощамъ преподобнаго Сергія, каждый считаетъ своимъ

долгомъ посѣтитъ и новѣйшія, подъ кровомъ преподобнаго Сергія создавшіяся въ послѣднее полустолѣтіе (съ благословенія святителя Московскаго митрополита Филарета), въ 2-хъ верстахъ отъ Лавры—обители: Геосиманскій скитъ съ его Пещерною обителью и Киновією Боголюбивой Богоматери. Отслужить молебенъ предъ чудодѣйствующей съ 1869 года Чернигово-Ильинскою иконою Богоматери, находящеюся въ нижнемъ пещерномъ храмѣ, а затѣмъ панихиду по основателѣ прославленныхъ Богоматерью Пещерь и Киновіи схимонахъ Филиппъ стекающіеся на поклоненіе въ Троицкую Лавру считаютъ для себя столь же обязательнымъ, какъ и посѣщеніе на пути изъ Москвы въ Лавру Хотькова монастыря, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ родители преподобнаго Сергія—Кириллъ и Марія.

Жизнь схимонаха Филиппа, погребеннаго въ нижнемъ храмѣ Киновіи, до сихъ поръ еще никѣмъ не была описана и лишь устный рассказъ его дѣтей, состоящихъ теперь іеромонахами Киновіи, и почитателей, знавшихъ его еще до монашества въ видѣ юродиваго, усвоившаго себѣ въ устахъ народа имя „блажененькаго Филиппушки съ голубкомъ“, сохраняетъ въ памяти факты его жизни, представляющей примѣръ, строгаго отреченія отъ міра ради Бога. Постараемся передать эти факты на столько, на сколько можно было ихъ собрать.

Память схимонаха Филиппа почитается не потому только, что онъ основалъ двѣ обители, на которыхъ видимо почиваетъ благословеніе Божіе, но и потому, что

при жизни своей онъ имѣлъ благотворное нравственное вліяніе на ближнихъ подвигами самоотверженія и пламенной любви къ Богу, ради которой все мірское считалъ ничтожествомъ, былъ для нихъ образцомъ кротости, смиренія и терпѣнія, и старался дѣйствовать, на души приходившихъ къ нему, наставленіями, совѣтами и обличеніями. Изъ предлагаемой вниманію читателей біографіи блаженнаго старца они увидятъ, какъ глубоко чтить его и какъ дорожилъ имъ и заботился о немъ великій знатокъ духовной жизни, святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій. Если и ему иногда казалось нѣчто неодобрительнымъ въ поступкахъ старца, запечатлѣнныхъ юродствомъ, онъ остерегался строго судить о немъ изъ опасенія впасть въ погрѣшность и въ одномъ изъ писемъ къ намѣстнику архимандриту Антонію смиренно выразился: „Если мое юродивое мудрованіе не понимаетъ мудрости юродства, то прошу прощенія“. (Письмо митрополита Филарета къ архимандриту Антонію. 649 отъ 18 Іюля 1848 г.).

Домашняя жизнь

Родиной схимонаха Филиппа (имя его въ міру и схимонашествѣ) была деревня Стряпкова, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Родился онъ 9 Ноября 1802 года. Родители его крестьяне Андрей и Февронія Хоревы были крѣпостными помѣщицы Варвары Борисовны Бажановой *). Раньше Филиппа у нихъ было еще два сына: Козьма и Ѳедоръ **). Все семейство Хоревыхъ отличалось набожностію и благочестіемъ; но изъ дѣтей преимущественно предъ другими братьями религіозностію и усердіемъ къ посѣщенію храма Божія отличался съ равнаго возраста меньшей—Филиппъ. Когда Филиппъ подросъ и сталъ, какъ крѣпостной, значиться работникомъ на „барщинѣ“, это усердіе къ храму сдѣлалось для него источникомъ непріятностей, такъ какъ иногда ради храма онъ оставлялъ неисполненными работы, хотя упущеніе это всегда старался вознаградить потомъ, такъ какъ онъ былъ по природѣ трудолюбивъ и никакой тяжелой трудъ деревенской жизни не пу-

*) Урожденной княжны Голицыной, въ первомъ замужествѣ Ахматовой.

***) Впослѣдствіи Ѳедоръ жилъ въ Кивовіи, гдѣ умеръ и погребенъ.

галь его. И въ дѣтствѣ, и въ отрочествѣ онъ на ряду съ старшими братьями исполнялъ все крестьянскія работы по дому, замѣняя родителей, работавшихъ на „барщинѣ“.

На 22-мъ году, по настойчивому убѣжденію родителей и вопреки собственному желанію, Филиппъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею крестьянкою Евдокією Степановой. Въ скоромъ времени у нихъ одинъ за другимъ родилось четверо дѣтей: три сына—Игнатій, Порфирій и Василій и дочь Синклитикія *). Болѣе десяти лѣтъ Филиппъ прожилъ съ женою—въ 1836 году она умерла. Сильно скорбѣлъ Филиппъ, оставшись вдовымъ съ маленькими еще дѣтьми. Вскорѣ къ этой скорби присоединилась другая—сильнѣйшая: господа отдали средняго сына его въ приданое за дочью своею, вышедшею замужъ за г. Кардера, въ имѣнье Макарьино Старое. Хотя это было во времена крѣпостнаго права обыкновеніемъ, но каждый пойметъ, сколь сильно должно быть горе Филиппа при потерѣ, по волѣ помѣщицѣй, живаго сына. Съ этого времени и всегда-то тихій, богомольный и не любившій веселія и празднословія Филиппъ сталъ еще болѣе замкнутымъ, избѣгалъ сношеній съ сосѣдями, сдѣлался еще набожнѣе и усиленно посѣщалъ храмъ Божій.

Родители его, бывшіе еще въ живыхъ, приписывали

*) Умерла, будучи послушницею въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

все это единственно тому, что Филиппъ груститъ вслѣдствіе потери жены, и употребляли всѣ мѣры, чтобы опять женить его. Долго не соглашался и боролся Филиппъ, наконецъ былъ принужденъ уступить волѣ родителей и вступилъ во второй бракъ съ дѣвицею Гликеріей Трофимовой, дочерью крестьянина. Но и новая женитьба не оправдала надеждъ родителей Филиппа: онъ, не смотря на ласковость жены и рожденіе отъ нея дочери Варвары *) не выходилъ изъ своего замкнутаго состоянія, а все болѣе и болѣе углублялся въ себя, и кромѣ тѣхъ монашескихъ наклонностей, которыя въ немъ были замѣтны до второй женитьбы, сталъ обнаруживать желаніе поститься по нѣскольку дней сряду, ходить постоянно безъ обуви и съ открытой головой, свать на землѣ и камняхъ и нести другія лишенія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ старался нерѣдко вести себя такъ, чтобы подвергнуться насмѣшкамъ, брани, даже побоямъ, вообще получать всевозможныя непріятности. Для этого онъ ходилъ нерѣдко неумытымъ, нечесанымъ, иногда же нарочно маралъ себя грязью или чѣмъ либо другимъ. А однажды, увидавъ, что сосѣдъ его мажетъ дегтемъ колеса, подошелъ къ нему и, указывая на ноги, сталъ просить помазать ихъ и, не смотря на отказъ его, продолжалъ упрашивать: „молодушка **)! помазуй мнѣ хо-

*) Болѣе двадцати лѣтъ уже, какъ въ Хотьковомъ монастырѣ.

**) Молодушками онъ называлъ всѣхъ вообще женщинъ, иногда же и мужчинъ.

дульки“, такъ что тотъ уступилъ и исполнилъ его желаніе. Когда домашніе и односельчане стали бранить его и спрашивать, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Филиппъ отвѣчалъ: „онѣ бѣгать будутъ ходче“.

Подобныя же странности Филиппъ сталъ обнаруживать и на работахъ, какъ своихъ, такъ и барскихъ. Такъ однажды, когда барскій прикащикъ заставилъ его рубить дрова, онъ цѣлое дерево изрубилъ въ мелкія щепки; когда же прикащикъ сдѣлалъ ему за это выговоръ и велѣлъ рубить крупнѣе, то Филиппъ сталъ отрубать полѣна по два и по три аршина и даже болѣе. Естественно, что всѣ подобныя выходки Филиппа сердили, какъ его семью, такъ и барскаго прикащика, и на долю его за это выпадало не мало брани и побоевъ; иногда его сажали даже для вразумленія въ сарай и погреба и подвергали другимъ наказаніямъ. Но Филиппъ этому только радовался и старался въ другой разъ дѣлать тоже. Вообще нужно думать, что, стремясь къ различнымъ непріятностямъ и лишеніямъ добровольно, Филиппъ подготавливалъ себя къ тому подвигу великому, который онъ несъ впоследствии въ теченіе многихъ лѣтъ, — къ подвигу юродства.

Въ довершеніе всѣхъ странностей, въ Филиппѣ стало являться отчужденіе отъ своей семьи и желаніе куда-то уйдти; одно только замѣтно удерживало его отъ этого — привязанность къ дѣтямъ. Готовясь разстаться съ ними, Филиппъ собиралъ ихъ около себя, дѣлался съ ними ласковымъ, разговорчивымъ и съ отеческимъ участіемъ

внушалъ, что если у нихъ не будетъ отца, то они должны жить въ мирѣ и согласіи между собою, не ссориться, какъ другіе дѣлаютъ, изъ-за пожитковъ, потому что „все въ мѣрѣ суета и ничтожество, ради котораго губить свою душу непростительно; да и добиваться исполненія всѣхъ нашихъ желаній, никогда ненасытимыхъ, и трудно и грѣшно“. Въѣмъ этимъ онъ приготовлялъ себя и ихъ къ предстоящей разлукѣ, близость которой съ каздымъ днемъ, становилась для его родныхъ замѣтнѣе и заставляла ихъ внимательно слѣдить за Филиппомъ. Не могло-ли что-либо удержать Филиппа, твердо рѣшившагося возложить на себя подвигъ юродства?

II.

Подвигъ юродства.

Разъ, въ рабочій лѣтній день, всѣ родные Филиппа, уходя въ поле на жатву, условились съ нимъ, что онъ, оставшись дома, приготовить имъ обѣдъ и принесетъ его въ поле. Филиппъ обѣщавъ все исполнить. Но проспелъ весь день до вечера, а Филиппъ обѣда не принесли. Удивленные родные послали за пицею одного изъ своихъ съ поля домой. Придя въ деревню, онъ узналъ, что Филиппъ донесъ приготовленный обѣдъ только до крайней къ полю крестьянской избы, поставилъ его здѣсь, попросилъ хозяйку побережь, пока онъ не надолго отлучится, и ушелъ. Такъ какъ прошло уже нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Филиппъ скрылся, то

родные его встревожились и стали искать въ своей деревнѣ и въ сосѣднихъ, но его нигдѣ не оказалось. На слѣдующій день о пропажѣ Филиппа дали знать волостному начальству и полиціи, которыя приняли всѣ возможные мѣры для отысканія его, но и это не имѣло никакого успѣха.

На пятый день нѣкоторые изъ односельцевъ Филиппа увидѣли, что онъ бродить по задворкамъ своей деревни, и стали убѣждать его идти домой. Молча, одними движеніями головы, отказывался Филиппъ и смотрѣлъ на своихъ сосѣдей такъ, какъ-бы въ первый разъ ихъ видѣлъ. Узнали объ этомъ его родные, выбѣжали всѣ отъ мала до велика и взяли его домой. Какъ ребенокъ пелъ Филиппъ, возвращаемый родными въ домъ отцовскій. Радовались родные его возвращенію, но недоумѣвали, что съ нимъ случилось за эти дни, видя, что онъ былъ сильно изнуренъ, полураздѣтъ и босъ, — но главное, что сталъ какъ-бы глухъ и нѣмъ. Всѣ вопросы о томъ, куда онъ отлучался, что видѣлъ, ѣлъ-ли, гдѣ дѣвалъ верхнее платье и сапоги, оставались безъ отвѣта: Филиппъ не говорилъ ни слова. Послѣ долгихъ стараній добиться хоть чего-нибудь отъ него, — стараній исполнѣ напрасныхъ, родные оставили его въ покоѣ, на волю Божью. Потомъ, спустя ужъ съ недѣлю, они узнали, что Филиппа видѣли въ 37-хъ верстахъ отъ ихъ деревни—въ селѣ Жайскѣ Нижегородскаго уѣзда, отдѣленнаго отъ ихъ деревни рѣкой Окой. Окрестности села Жайска состоятъ изъ горъ, гдѣ ломаютъ камень и вы-

жигаютъ алебастръ; вотъ въ глуши-то этихъ каменоломень и встрѣтили Филиппа, но зачѣмъ онъ туда пробрался осталось неизвѣстнымъ.

Эта отлучка продолжалась четыре дня. По возвращеніи домой онъ все больше изумлялъ родныхъ страннымъ видомъ и подвигами самоотверженія. Прежняго Филиппа какъ-бы не бывало, остался Филиппъ безмолвный, предававшійся посту безъ границъ и не желавшій даже носить какое-либо одѣяніе. Безмолвіе, молитва, кротость, терпѣніе—вотъ свойства, которыя ярко были видны въ немъ. Образъ жизни онъ велъ самый суровый: спалъ только подъ открытымъ небомъ, прямо на землѣ или на камняхъ, несмотря ни на какія перемѣны погоды; ходилъ безъ обуви, почти нагой, едва прикрытый ветхою одеждою, принималъ пищу очень рѣдко—черезъ три, пять, даже черезъ семь дней; кромѣ всего этого онъ возложилъ на себя тяжелыя вериги. Больно было семьѣ видѣть такое поведеніе Филиппа. Братья и жена съ дѣтьми принимали всѣ мѣры, чтобы возвратить его къ жизни прежней: неоднократно заново одѣвали и обували его, но вскорѣ-же Филиппъ являлся опять полунагой, отдавъ „бремя“, какъ онъ односложно называлъ части одежды, первому попавшемуся нищему или бѣдняку; убѣждали его чаще ѣсть, поставивъ яредь нимъ пищу, но онъ бралъ посуду съ нею и относилъ нищимъ; настилали солому на землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видѣли его спящимъ не одинъ разъ, но Филиппъ уходилъ и выбиралъ новое мѣсто еще болѣе неудобное—

сырое или неровное. Приписывая все это помѣшательству или „порчѣ“, которую многіе объявляютъ всѣ непонятныя имъ физическія и психическія болѣзни и выходящія изъ ряда обыкновенныхъ дѣйствія людей, родственники возили его къ нѣсколькимъ священникамъ для отчитыванія. Такъ священникъ не далекаго отъ ихъ деревни села Гришина нѣсколько разъ читалъ надъ нимъ молитвы, положенныя для чтенія надъ бѣсноватыми.

Много непріятностей, насмѣшекъ, нареканій приходилось выносить женѣ, дѣтямъ и братьямъ „порченаго“ Филиппа отъ своихъ сельчанъ и на долю его самого стало выпадать чрезъ это немало непріятностей отъ семьи. Желая, навѣрное, избавить свою семью отъ себя, какъ причины всего этого, и въ тоже время еще въ большей степени отдаться принятому имъ на себя подвигу, Филиппъ вскорѣ оставилъ свою деревню совсѣмъ и ушелъ въ уѣздный городъ Вязники, удаленный отъ деревни Стряпковой почти на 20 верстъ; но не долго пробылъ и здѣсь, а отправился бродить и юродствовать по разнымъ городамъ и селамъ. Почти пѣшкомъ исходилъ онъ губерніи: Нижегородскую, Владимірскую, Московскую, Тульскую, Калужскую и отчасти Орловскую, Курскую и Кіевскую. Это странничество „Филиппушки блаженнаго“, какъ сталъ звать его народъ, продолжалось почти 10 лѣтъ. Не малую часть этихъ десяти лѣтъ Филиппушка провелъ въ различныхъ тюрьмахъ и пересылкахъ по этапу, такъ какъ его много разъ арестовывали.

какъ бродягу, не имѣющаго при себѣ никакого вида, и отправляли на родину, гдѣ онъ оставался лишь день или два и затѣмъ опять скрывался. Умъ, находчивость и при этомъ полнѣйшая кротость „Филиппушки блаженненкаго“ неоднократно ставили въ недоумѣніе сельскихъ властей и полицейскихъ чиновниковъ, которымъ приходилось допрашивать его, какъ бродягу. Не Филиппушка становился въ тупикъ отъ слѣдственныхъ вопросовъ, ему предложенныхъ, а чиновники были поражаемы его, прикрытыми образностию, отвѣтами въ духѣ юродства. Много рассказовъ можно-бы записать объ этомъ, но приведемъ лишь тѣ, которые наиболее достовѣрны.

Разъ, когда заарестованнаго Филиппа привели къ квартальному надзирателю г. Ардатова для допроса, надзиратель, взявъ изъ рукъ у него тяжелую палку, съ которою Филиппъ обыкновенно ходилъ, и разсердившись при невопытной для него рѣчи Филиппа, ударилъ его этой палкой по голой ногѣ и значительно поранилъ, такъ что сильно пошла кровь.

— Что это такое? закричалъ надзиратель, неожиданный, навѣрное, такого послѣдствія отъ удара, указывая Филиппу на кровь.

— Ничего, это красная водка, которою меня Богъ грѣетъ, — смиренно отвѣтилъ онъ.

Въ другой разъ полицейскій застѣдатель г. Арзамаса ударилъ Филиппа въ бокъ столь сильно, что Филиппъ упалъ. Поднявшись тотчасъ-же, онъ подставилъ другую сторону головы, говоря: „бей еще, Христа били и Онъ

терпѣть, по слову своему: *ударилъ тебя въ ланиту, подставь другую*“.

Въ этомъ-же городѣ одинъ столоначальникъ полиціи допрашивалъ Филиппа, заложивъ перо за ухо. Раздраженный его замысловатыми отвѣтами и желая чѣмъ-либо испугать Филиппа, чиновникъ этотъ выхватилъ у него изъ рукъ его тяжелый посохъ и, едва приподнявъ отъ земли, началъ кричать на него:

— Какъ ты смѣешь таскать такой ослопъ? ты имъ человѣка легко убить можешь!...

— Братъ мой! тѣмъ перышкомъ, которое у тебя торчитъ изъ-за уха, ты скорѣе, будь увѣренъ, можешь убить нѣсколько человѣкъ, нежели я своей опорой, возразилъ Филиппъ, намекая на убійственные послѣдствія бумажныхъ приказническихъ кляузъ.

Полицейскій чиновникъ г. Кіева, встрѣтивъ Филиппа въ томъ странномъ видѣ, въ коемъ онъ ходилъ, спросилъ его: „откуда ты?“

— До живаго царя (*Бога*) животомъ далеконекъ, а къ смертному царю приблизиться не успѣлъ,—отвѣтилъ тотъ.

Удивленный такими словами, полицейскій потребовалъ отъ него паспортъ.

— Отъ смертнаго царя мертвыхъ словъ у меня нѣтъ, а вотъ отъ живаго царя живыя слова есть, сказала Филиппъ, вынувъ изъ кармана карты трефовой или крестовой масти, которыя постоянно имѣлъ при себѣ, и показывая ихъ чиновнику.

— Что ты, съ ума что-ли сошелъ? захохоталъ чиновникъ, — развѣ это паспортъ? это карты, въ которыя играютъ.

— Играютъ крестами только жида христонпродавцы, а мы христіане чтимъ ихъ и молимся, смиренно возразилъ Филиппъ, цѣлуя крестъ на картѣ.

Такія образныя рѣчи раздражали чиновниковъ и много обидъ перенесъ за нихъ Филиппъ, но ни одного слова ропота не слышали отъ него въ теченіи всей его жизни. Онъ всегда горячо молилъ Бога за тѣхъ, кто дѣлалъ ему непріятное, и въ послѣдствіи, оставивъ подвигъ юродства, онъ говаривалъ дѣтямъ, что онъ потому такъ относился къ обидящимъ, „что они, дѣлая ему зло видимо, приносили ему пользу внутреннюю и были его благодѣтелями; своей-же душѣ жестокостью вредили, а потому онъ и долженъ молить Бога о ихъ спасеніи“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова Филиппушки выражали прозорливость относительно будущаго и вполнѣ потомъ подтверждались. Такъ игуменія Муромскаго женскаго монастыря рассказывала Филиппушкѣ, при посѣщеніи имъ этого монастыря, что одинъ купецъ пожертвовалъ имъ большой колоколь, который отливается въ Москвѣ и еще неизвѣстно, когда будетъ готовъ и привезенъ.

— Недѣль черезъ двѣнадцать вода привезетъ, сказала при этомъ Филиппъ.

Странными казались эти слова игуменѣ, такъ какъ колоколь долженъ былъ прибыть на лошадяхъ. Но когда

колоколь были изготовлены, то вдругъ начались продолжительные дожди, сдѣлавшіе перевозку тяжести этой сухимъ путемъ невозможной; поэтому заводчикъ доставил колоколь по рѣкѣ Окѣ на баркѣ, и ввезенъ въ монастырь онъ былъ какъ разъ чрезъ 12 недѣль послѣ того, какъ говорилъ Филиппъ.

Въ городѣ Муромѣ въ одномъ семействѣ шло свадебное торжество; пѣсни и пляска собрали къ окну этого дома массу зрителей. Сквозь эту толпу къ окну протѣзняется Филиппъ, кладетъ на окно восковую свѣчу и кусокъ глины съ словами: «пѣть пой, плакать готовься». Дурнымъ пророчествомъ сочти все поступокъ юродиваго и на 9-й день свадьбы это оправдалось: «молодой» или новобрачный легъ спать въ саду на голой землѣ и былъ найденъ мертвымъ: онъ во время сна отъ вліянія сырой земли умеръ ударомъ.

Въ г. Вазникахъ юродивый Филиппъ пришелъ въ одно знакомое ему семейство и говорить хозяйкѣ: «молодушка! дай мнѣ кровяной (красный) платокъ!» Та подала. Филиппъ началъ вытирать платкомъ стѣны и дуть на нихъ. Удивленію хозяевъ не было границъ и лишь чрезъ нѣсколько дней поняли они, что значили дѣйствія Филиппа: домъ ихъ уничтожило пожаромъ отъ молніи.

Въ городѣ Владимірѣ, стоя у каедральнаго собора, Филиппъ былъ спрошенъ, увидавшимъ его на пути въ соборъ, однимъ духовнымъ лицомъ: «что ты здѣсь дѣлаешь?»

— Бумажками на мѣста торгую, отецъ святой! отвѣ-

чалъ Филиппъ. Вскорѣ же было обнаружено, что это духовное лицо, будучи вліятельнымъ въ духовномъ вѣдомствѣ, позволяло себѣ брать деньги и подарки за содѣйствіе къ опредѣленію на священническія и дьяконскія мѣста въ хорошихъ приходяхъ и подверглось за это непріятности.

Многіе изъ людей истинно вѣрующихъ и по христіански разсуждающихъ почитали Филиппа за его подвигъ юродства и прозорливости, давали ему пріютъ и питали его въ страннической жизни, встрѣчая его всегда радушно, какъ «человѣка Божьяго»,—и замѣчали, что у кого Филиппъ бывалъ, то приносилъ съ собою счастье и удачу въ дѣлахъ и въ семейной жизни. Такъ награждалъ Богъ почитателей кроткаго и смиреннаго юродиваго. Филиппъ, бывая въ домахъ, не дѣлалъ различія, православное ли семейство или раскольническое, но всюду обличалъ неправду и, будучи православнымъ, смѣло и открыто укорялъ раскольниковъ за ихъ уклоненіе отъ истинной церкви, не боясь никакихъ непріятностей отъ нихъ, хотя однажды Филиппъ едва не сдѣлался жертвою ихъ изувѣрства.

Было это въ одномъ селеніи Шуйскаго уѣзда. Между раскольниками и православными шелъ споръ о религіозныхъ предметахъ, при чемъ Филиппъ сидѣлъ въ группѣ раскольниковъ и молчалъ. Пользуясь этимъ, они стали утверждать, что «что вотъ Филиппушка — Вожій рабъ, и то ихъ вѣры держится и между ними пребываетъ». Тогда Филиппъ сталъ среди толпы и въ такой

иносказательной формѣ сталъ укорять раскольниковъ: «у васъ вѣдь, какъ грибы, пастухи-то растутъ, пасутъ и врутъ, на лѣву руку кнутъ выютъ, овецъ-то кривыхъ да слѣпыхъ пасутъ, прямо въ пропасть ведутъ; посохъ-то у нихъ гнилой, прегнилой, — у любаго, посмотри, треснуть готовъ и сломиться, а пастухъ-то въ адъ свалиться; попы-то у васъ, молодки, все гуляютъ да вѣру раззоряютъ; вы, вѣдь, жида свѣжи, — стары жида Христа продали, на Него возстали, а вы на дочку его — церковь поднялись».

Не было границъ озлобленію раскольниковъ на Филиппа, такъ ихъ обличившаго. Они стали отгонять его отъ домовъ своихъ, когда онъ подходилъ къ нимъ, и рѣшили даже его убить, сбросивъ подъ мельничныя колеса съ плотины. Но одинъ изъ любившихъ Филиппа селянъ извѣстилъ его и Филиппъ въ гости къ мельнику, руководившему этимъ дѣломъ, не пошелъ, а на другой день, по совѣту доброжелательныхъ къ нему людей, совсѣмъ удалился изъ этого мѣста.

Не однократно также Филиппъ уличалъ раскольниковъ въ несправедливости ихъ мнѣнія, будто ѣсть и пить въ общей посудѣ съ православными грѣхъ. Одинъ разъ, будучи на обѣдѣ въ семьѣ одного купца-раскольника въ Москвѣ, Филиппъ, мояча, ѣлъ изъ особой небольшой чашки, предъ нимъ поставленной, между тѣмъ какъ хозяева ѣли изъ общей большой миски. Съѣвъ нѣсколько ложекъ изъ своей чашки, Филиппъ посмотрѣлъ въ общую и зачерпнулъ изъ нея.

— Молодушки! молодушки! да у васъ не то, у васъ слаще, сказалъ онъ, опробовавъ и опуская ложку въ общую же посуду во второй разъ. Все семейство вышло, смѣясь, изъ-за стола.

— Что-же это вы? Аль брезгаете? Христось-то не уклонялся отъ трапезы грѣшниковъ и ѣлъ съ ними, кротко, но обличительно высказалъ Филиппъ, выходя также изъ обѣда.

Въ другой разъ въ г. Шуѣ, зайдя напиться въ домъ раскольника, онъ увидѣлъ, что хозяинъ сталъ искать какую-либо чашечку, хотя въ ушатѣ съ водою былъ ковшъ; но хозяинъ сказалъ, что это ихъ семейный ковшъ и пить имъ нельзя.

— Ничего, я не брезгаю, сказалъ Филиппъ, быстро зачерпнувъ воды ковшомъ и начавъ пить: — Апостолы во Христа вѣрили, христианами были, а съ евреями ѣли и пили.

Бывали случаи, что его слово было убѣдительно и брезговать переставали, но иногда Филиппу отвѣчали обидою, которую всегда принималъ съ терпѣніемъ и незлобивостью юродивый, вся наружность котораго была яснымъ выраженіемъ этихъ свойствъ души христіанской.

Будучи высокаго роста (болѣе 2 арш. и 6 вер.) онъ имѣлъ лицо чистое, съ длинной окладистой бородой темно-русаго цвѣта, такіе-же волосы были длинно отпущены; добрый, кроткій, терпѣливый, незлобивый взглядъ его глазъ производилъ какое-то особое, влекущее къ себѣ, чувство. Во все время своего юродства, Филиппъ носилъ

одного вида одежду, не измѣняя ея. не смотря ни на какія перемѣны погоды, по временамъ года, — холодный, тонкій, непремѣнно ветхій подрясникъ, надѣтый на ветхое бѣлье и открытый; застегивалъ его Филиппъ рѣдко, пояса не носилъ, а если когда и опоясывался, то веревкой. Обувя на ногахъ не имѣлъ и ходилъ всегда съ открытой головой. На тѣлѣ носилъ вериги, — вѣсомъ въ 21 фунтъ, въ рукахъ же посохъ еще большаго вѣса, именно въ 37 фунтовъ. Посохъ этотъ былъ отдѣланъ подъ дубъ, хотя былъ весь желѣзный; на верху его былъ прикрѣпленъ литой изъ мѣди голубъ: сдѣланъ былъ, по рассказамъ, ему посохъ въ Тулѣ, при посѣщеніи ея въ началѣ юродства. Никогда, ни на одну минуту не выпускалъ изъ рукъ этотъ посохъ Филиппъ: на ходу всегда опирался на него правою рукою; дѣлая что-либо или вкушая пищу, держалъ его лѣвою рукою. пока правая была занята; ложась, клалъ его подъ бокъ, придерживая все-таки одною рукою. Замѣчательно, что никогда никому юродивый не давалъ не только подержать посоха, но даже коснуться, всегда отвѣчая просившимъ:

— Это вѣсь грѣховъ моихъ! Что чужую тяготу грѣховную пытаться?

О голубкѣ на посохѣ Филиппъ говаривалъ: „Духъ Святой птичку любитъ, видъ ея пріятель. У голубка головка не величка, да умна, носокъ востеръ, на добро шустеръ; а у насъ голова величка, да дурочка и носъ тупъ, — адскій нюхаетъ путь“. Этотъ голубъ былъ для Филиппа символомъ добра и кротости: отъ него-то и

звали въ годы юродства подвижника „Божимъ человекомъ, Филиппушкой блаженненькимъ съ голубкомъ“. Кромѣ посоха въ другой рукѣ Филиппушка носилъ всегда особаго устройства мѣдную круглую коробку, въ видѣ неглубокой кюстрюли, закрывавшюся мѣдной вынуклой крышкой и имѣвшюю сбоку ручку. Къ ручкѣ на шнуркѣ были привязаны еще двѣ вещицы изъ окрашенной въ красно-мѣдный цвѣтъ тонкой и легкой жести, изъ коихъ одна имѣла форму чашечки или вазочки на ножкѣ, а другая видѣ крышечки къ ней.

— „На память о Троицѣ Святой! все забываю о Ней, грѣшникъ!“ объяснялъ Филиппъ любопытствовавшимъ о значеніи двухъ привѣсковъ къ коробкѣ, которая всегда была наполнена деревянными, самыми маленькими крестиками, образочками и ладонками. Все это онъ раздавалъ желающимъ.

Многіе добрые люди жалѣли Филиппа, что онъ ходилъ полунагой, и предлагали дать ему получше одежду и обувь, но встрѣчали отказъ.

— Душно—грѣшно! Голова и ноги въ холодѣ, душа и животъ въ голодѣ — добро, — всегда говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Иногда впрочемъ Филиппъ платью бралъ, но дѣлалъ съ нимъ странныя вещи. Такъ, когда разъ позднею осенью, при заморозкахъ уже, ему въ одной деревнѣ дали шубу, то онъ отправился съ нею къ находившемуся тутъ же на околицѣ пруду, гдѣ женщины мыли бѣлье и сталъ полоскать шубу въ водѣ, приговаривая:

— Вамъ бѣло надо, молодушки, и мнѣ бѣленько!

Затѣмъ, едва давъ стечь съ шубы водѣ и не смотря на то, что она почти вся смерзлась, Филиппъ сталъ ее надѣвать.

— Вотъ, дуракъ-то! что творить! говорили видѣвшіе это.

— Дураковъ Богъ любить, отвѣчалъ Филиппъ криво.

— Какъ можешь ты босой и совсѣмъ раздѣтый выносить морозы? Иль привыкъ? спросилъ Филиппа одинъ духовный, видя его зимой, въ морозъ, сидящимъ на снѣгу.

— Къ чертогу царскому идемъ! Вѣру живую въ Господа Христа имѣть должны и ничего больше. Онъ и мнѣ грѣшному чуютъ ногу, не даетъ отвѣчалъ юродивый.

Съ такимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ несъ подвигъ юродства Филиппъ.

III.

Монашество. Основаніе пещеръ.

Покойный святитель Московскій митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, смотрѣлъ на юродивыхъ глазами большинства хорошихъ христіанъ, т. е. какъ на „людей Божіихъ“. Филиппъ во время своего десятилѣтняго юродства неоднократно бывалъ въ Москвѣ и былъ извѣстенъ лично владыкѣ Филарету. Въ началѣ 1847 года Фи-

липпъ, будучи въ Москвѣ, получилъ благословеніе отъ владыки пойти на поклоненіе въ Сергіево-Троицкую Лавру и остаться тамъ пожить. Нужно думать, что по поводу этого то и упоминаетъ въ первый разъ о Филиппѣ святитель Филаретъ въ письмѣ *) къ намѣстнику лавры архимандриту Антонію: „Богъ благословитъ раба своего Филиппа, и да сотворитъ благое душѣ его“ **), и этими словами указываетъ, что Филиппъ можетъ быть принятъ въ число братіи Лавры.

Чувствуя ли утомленіе отъ долговременной страннической жизни, или же повинуюсь благословенію уважаемаго святителя, Филиппъ изъявилъ согласіе отправиться на жительство въ Лавру, куда и явился вскорѣ прямо къ намѣстнику архимандриту Антонію, нынѣ уже умершему.

Разсказываютъ, что, входя въ келлію о. намѣстника въ своемъ костюмѣ юродиваго съ босыми ногами и сумкою чрезъ плечо, Филиппъ держалъ въ одной рукѣ посохъ, а въ другой нѣсколько луковицъ.

— Зачѣмъ это ты, рабъ Божій, луку-то принесешь? спросилъ о. намѣстникъ, благословляя пришельца.

— Да такъ, широкій! ***) Хорошіе христіане всегда лукъ медомъ поливали, заговорилъ иносказательно Фи-

*) Письма митрополита Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію за 1831 — 1867 годы изданы въ 1877 и 1878 годахъ, въ 2-хъ томахъ, (1831—1849).

**) Письмо 577-е отъ 23-го Мая, 1847 года.

***) „Широкій“ нѣрѣдко и въослѣдствіи онъ называлъ о. архимандрита Антонія.

липпъ: — поливали и здравы бывали; на полосу свою часто посматривали, себя узнавали и повѣряли, за то и къ Царю небесному часто ходили и свѣтъ имѣли. А я вотъ вѣкъ гуляю, да своими грѣхами людей соблазняю; дурака то потерялъ, а умнаго не нашель. Вотъ бѣлый ангель (митрополить) и послалъ меня сюда: молитесь, широкій, чтобы Богъ меня на разумъ наставиль.

— Такъ ты въ Лаврѣ останешься? спросиль о. намѣстникъ.

— Да походилъ, сокола половиль, все думалъ поймаю, чтобы легче съ нимъ въ Иерусалимъ идти, продолжалъ Филиппъ:—да вмѣсто сокола то все пса ловиль; говорить, и плохо бы было, если-бъ пса то я въ Иерусалимъ принесъ. Вотъ я и пришелъ сокола ловить у Сергія подъ крылышкомъ.

Вступивъ въ Лавру, Филиппъ только мѣсяць съ нѣсколькими днями прожилъ въ ней. Тысячи богомольцевъ, множество братіи и обращаемое на него, какъ на юродиваго, вниманіе побудили его искать болѣе уединеннаго мѣста. О своей мысли оставить Лавру Филиппъ сообщиль намѣстнику о. Антонію, который и указаль ему перейти въ зарождавшійся въ то время въ 2¹/₂ верстахъ отъ Лавры Геосиманскій скитъ.

Но еще большаго уединенія жаждала душа Филиппа, и онъ сталъ просить о. намѣстника разрѣшить ему поселиться въ близости къ скиту и указаль на ветхую необитаемую лѣсную сторожку въ густой лѣсной чашѣ за прудомъ, сзади скита. О. намѣстникъ не пренятство-

валъ его влеченію и разрѣшилъ, съ благословенія святителя Филарета. Поселился въ этой сторожкѣ Филиппъ съ однимъ послушникомъ, даннымъ ему изъ скита для безопасности въ лѣсу. Вскорѣ послѣ этого поселившійся съ Филиппомъ послушникъ сталъ убѣждать его идти вновь юродствовать.

Внимательно слѣдившій за дѣйствіями Филиппа и желавшій, навѣрное, удержать, по какимъ либо основательнымъ внутреннимъ причинамъ, его отъ вступленія на путь прежняго подвига, святитель Филаретъ писалъ объ этомъ о. намѣстнику: „очень жаль, если Филиппа развлекать будетъ и увлечетъ послушникъ, не понимающій его и своей пользы. Нельзя ли или послушника вразумить и ускромнить, или Филиппу изъяснить, что неразумительный братъ можетъ повредить его безмолвію, и что потому лучше оставить его идти своимъ путемъ и не увлекаться имъ“ *). Филиппъ послушался голоса святителя и, взявъ къ себѣ иного «брата» или товарища въ уединенную келлію, а прежняго отпустивъ, рѣшилъ скорѣе начать новый подвигъ. Во время одного посѣщенія скита намѣстникомъ о. Антоніемъ, Филиппъ испросилъ у него благословеніе ископать близъ сторожки погребъ. Станнымъ казалось начальнику—архимандриту желаніе пустынножителя при уединенной сторожкѣ имѣть погребъ, но при всемъ этомъ онъ не мѣшалъ Филиппу исполнить свое желаніе и разрѣшилъ ему, если

*) Письмо 584 отъ 31 Іюля 1847 года.

будетъ нужно, взять въ помощь еще двухъ послушниковъ изъ скита.

Получивъ нужное благословеніе, Филиппъ вскорѣ-же съ своимъ товарищемъ и двумя другими, изъ скита взятыми, сотрудиками приступилъ къ работамъ. Посѣтивъ, спустя три недѣли, Филиппа вновь, о. намѣстникъ увидѣлъ, что ископанъ не погребъ, а небольшая подземная квадратная пещера, въ которой Филиппъ съ своими сотрудиками уже началъ совершать молитвы и читать правила. Тутъ только понялъ архимандритъ, что Филиппъ возложилъ на себя новый подвигъ—пещерничество. Вскорѣ объ этомъ отъ намѣстника, конечно, узналъ и владыка Филаретъ и святительскою рукой преподавъ подвижнику благословеніе на новый путь. Одно только беспокоило владыку, принявшаго Филиппа подъ свое особое духовно-отеческое попеченіе во всѣхъ его дѣлахъ жизни внутренней и вѣшной,—то, что у Филиппа не было паспорта, такъ какъ онъ былъ крѣпостной. Эту свою заботу онъ сливаетъ съ благословеніемъ на основаніе пещеръ въ письмѣ къ намѣстнику: „Господь да просвѣщаетъ ищущихъ его въ темнотѣ пещерной. Но у меня за духовными приходятъ полицейскія помыслы. Что будетъ съ паспортами *)?“ Благословивъ начало пещерничества, святитель выразилъ желаніе—видѣть пещеры пустынножительными, не дѣлать ихъ дѣломъ любопытства и не особенно расширять. Это видно изъ

*) Письмо 597 отъ 13 сентября 1847 года.

позднѣйшаго письма его къ намѣстнику: „хорошо, если трудятся въ пещерахъ по усердію, но мнѣ кажется, не надобно сіе распространять и дѣлать гласнымъ“ *). Такимъ образомъ было положено основаніе пещерамъ Геосиманскаго скита.

Вскорѣ послѣ начала ископанія пещеръ Филиппъ началъ расширять первоначальную пещеру, дѣлать отъ нея подземные корридоры и въ нихъ основывать отдѣльныя пещерки, впоследствии сдѣлавшіяся подземными келліями; средняя-же и самая ранняя была молитвеннымъ мѣстомъ и теперь занята храмомъ во имя Архистратига Михаила. При ископаніи этого молитвеннаго подземнаго мѣста былъ такой знаменательный случай.

Во время одного вечерняго правила, на которомъ были Филиппъ и трое его сотрудниковъ, двое изъ нихъ, Митрофанъ и Андрей, видѣли ангела, который пронесъ надъ ихъ головами два вѣнца. Послушники рассказали объ этомъ Филиппу. „Воля Божья! молитесь!“ отвѣтилъ онъ. На другой-же день, во время работы въ глубинѣ пещеры, они были засыпаны оба землею, внезапно обрушившейся, на смерть и удостоились тѣхъ мученическихъ вѣнцевъ, которые видѣли въ рукахъ у ангела. Вотъ что пишетъ владыка Филаретъ объ этомъ замѣчательномъ событіи намѣстнику: „не безъ слезъ пропѣлось мнѣ: со святыми упокой, Христе, души рабъ твоихъ Митрофана и Андрея. Можно вѣровать, что Господь

*) Письмо 610 отъ 10 декабря 1847 года.

принялъ доброе начало ихъ подвига, какъ совершеніе; но печалень случай ихъ кончины по отношенію къ другимъ, которые, не зная, что Господь уготовилъ ихъ къ представленію, смутятся въ помыслахъ о подвижничествѣ *). Господь дастъ слышащимъ о семъ доброе разумѣніе подвига и наставленіе содержать себя въ готовности къ смерти, неожиданно близкой **)“.

Въ этихъ строкахъ святителя Филарета явно слышится опасеніе, чтобы Филиппъ не оставилъ въ смущеніи отъ случившагося начатаго подвига и не покинулъ мѣсто. Опасенія владыки не оправдались: Филиппъ остался и усердно продолжалъ устройство подземнаго жилища и мѣста моленія. Въ корридорѣ былъ повѣшенъ маленькій колоколь, которымъ давалась вѣсть о времени молитвы поселившимся въ пещерахъ,—ихъ стало уже болѣе пяти.

Собравшись въ среднюю пещеру на молитву, пещерники совершали правило по псалтири и пѣли 12 псалмовъ по правилу Пахомія Великаго. Съ теченіемъ времени къ этому послѣдованію правила и псалмовъ были прибавлены утренняя и полунощница, такъ что составился особый новый чинъ пещернаго богослуженія, существующаго до нынѣ и подъ названіемъ „полунощницы съ аллилуіа“ совершаемаго ежедневно въ 8 часовъ вечера, кромѣ дней, въ кои положена всенощная. По поводу

*) Т. е. не смутились-бы смертью безъ напутствія, не разумѣя напутствія—уготовленія видѣніемъ.

**) Письмо 602 отъ 17 октября 1847 года.

образования этого новаго богослуженія святитель Филаретъ писалъ намѣстнику о. Антонію: „о пользѣ пустынножителства нѣтъ спора. Но, думаю, не легко оному правильно строиться. Не много-ли переселяющихся изъ скита на ту сторону пруда, и не сдѣлается-ли тамъ другой монастырь вмѣсто пустынножителства? Еще, простите моему невѣжеству, если спрошу: не больше ли было бы послушанія и смиренія предъ чиноволоженіемъ перковнымъ пѣтъ вечерню, часы и утреню обыкновеннымъ порядкомъ (кромѣ прибавленія изъ октоиха и миней, чтобы не заботиться о многихъ книгахъ), и прибавлять что-либо по усердію и разсужденію, нежели составлять свой чинъ службы, изъ частей обычнаго богослуженія, отрывочно взятыхъ. Трапеза пустынножителствующиыхъ не должна ли бы поставляться нѣскольکو позже, нежели въ монастырѣ. Говоря сіе, не перемѣнь требую для другихъ, а разсужденія для себя“ *).

Изъ этого письма владыки видно, что пещерное подвижничество Филиппа стало быстро привлекать желающихъ перейти къ нему изъ скита. Филиппъ не отказывалъ, но принималъ лишь съ условіемъ, чтобы поступающій самъ ископалъ себѣ подземную келлію—„пещерку“. Въ то же время умноженіе пещерниковъ не было согласно съ духомъ основателя пещеръ, что видно изъ письма святителя Филарета въ духѣ опасенія, что Филиппъ покинетъ пещеры: „былъ у меня Филиппъ. Когда я сказалъ ему,

*) Письмо 611 отъ 16 декабря 1847 года.

что у него уже много людей, онъ отвѣчалъ, что и онъ думалъ имѣть только человѣка два, и что теперь помышляетъ, не уйти ли въ другое мѣсто, или не странствовать ли безъ мѣста. Я уговаривалъ его не оставлять мѣста, въ которомъ можетъ жить мирно, съ пользою и для другихъ. Имѣйте сіе во вниманіи, чтобы умноженіе людей не усилило въ немъ желанія удалиться“ *).

Относительно чина богослуженія, составившагося у пещерниковъ, владыка Филаретъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „вы говорите, что *совершенно* не видите отступленія отъ церковнаго чиноположенія въ молитвословіяхъ пещерниковъ. Спорить не стану, но вотъ ваши слова: *начинаютъ полунощницу, поютъ дванадцать псалмовъ, по каждомъ стихъ трижды аллилуія, поютъ осьмую и девяную пророческую и пр.* **). Въ чиноположеніи церковномъ послѣ полунощницы слѣдуютъ два псалма утренніе, шестопсалміе, каѳизмы и каноны, начиная отъ первой пѣсни, а не осьмая только и девятая пѣснь. Следственнаго описаннаго молитвословія есть составленное по личному разсужденію, а не послѣдованіе въ простотѣ церковному чиноположенію“ ***).

Хотя владыка Филаретъ и оспаривалъ правильность богослуженія пещерниковъ, тѣмъ не менѣе, какъ утвердившееся, совершать потомъ разрѣшилъ. Вообще святыи-

*) Письмо 697, отъ 12 іюня 1849 года.

***) Курсивъ въ подлинникѣ.

***) Письмо 612 отъ 30 декабря 1848 года.

тель не упускалъ изъ виду относительно пещеръ ни одной мелочи и входилъ даже въ хозяйственные вопросы. Такъ въ послѣдствіи при ископаніи внутри пещеръ колодезя онъ писалъ къ намѣстнику: „о кладезѣ пещерниковъ мнѣ думалось, не произведетъ ли онъ у нихъ сырость, если вода не мала? Меня сею водою благословите“ *).

Около трехъ лѣтъ спустя послѣ основанія пещеръ, къ Филиппу пришли его сыновья: Игнатій и Василій. Подвижническая жизнь ихъ отца произвела на нихъ столь сильное вліяніе, что они рѣшились остаться при немъ и сдѣлаться пещерниками. Важнымъ препятствіемъ къ этому являлось то, что Игнатій былъ женатъ и кромѣ того они были крѣпостные. Годъ спустя послѣ нихъ пришелъ и третій сынъ Порфирій и пожелалъ также остаться при отцѣ. Тогда Филиппъ самъ сталъ принимать мѣры сдѣлать ихъ вольными, для чего и отправился вмѣстѣ съ однимъ послушникомъ въ г. Макарьевъ къ помѣщику Николаю Густавовичу Карлеру, говоря предъ уходомъ дѣтямъ: „иду къ стрижкѣ **) здоровья вамъ просить“.

Придя въ Макарьевъ Филиппъ обратился къ г. Карлеру съ такой иносказательной просьбой: „клѣтка вошь у меня, стрижка, растеть, такъ надо птичекъ наловить; птички будутъ въ полночь вставать и Бога прославлять! Помоги птичекъ поймать“!

*) Письмо 675 отъ 21 января 1849 года.

**) „Стрижка“ значило у него „бария“.

Помѣщикъ сначала не понялъ, а потомъ, когда сопровождавшій Филиппа послушникъ выяснилъ, въ чемъ дѣло, то г. Кардеръ дать «вольную» дѣтямъ Филиппа отказался; но вскорѣ, благодаря содѣйствию дочери прежней владѣлицы, находившейся въ Арзамасскомъ женскомъ монастырѣ *), все-таки желаніе Филиппа исполнилъ и дѣтей его «отпустилъ на волю».

Жена Игнатія также пожелала вступить въ женскій монастырь и была принята въ Зосимовскую пустынь, Подольскаго уѣзда. Такимъ образомъ все препятствія были удалены, и Филиппъ со всѣми тремя сыновьями были зачислены указными послушниками Геосиманскаго скита въ 1850 году.

Живя въ пещерахъ, Филиппъ въ тоже время не оставлялъ совѣтъ своего подвига юродства. Вначалѣ этой жизни онъ нерѣдко еще появлялся предъ воротами Лавры на Верхней или Красной площади, опираясь на свой неизмѣнный посохъ съ голубкомъ. Какъ появлялся Филиппъ, его тотчасъ окружали толпы народа.

— Съ ангеломъ! Съ ангеломъ! Съ Божіимъ вѣстникомъ! привѣтствовалъ онъ всѣхъ, обращаясь въ разныя стороны, и съ какою любовью обращались все къ «Филиппушкѣ человѣку Божію», слушали его мягкія, образныя, полныя глубокаго христіанскаго духа рѣчи! Каждый, имѣвшій какую либо боль на душѣ, старался хоть что нибудь услышать отъ него себѣ въ утѣшеніе и назиданіе.

*) Нынѣ игуменія этого монастыря.

— Филиппушка родной! помоги: дѣти меня не слушаютъ, обращается къ нему плачущая женщина.

— Богу молись, молись! За грѣхи, молодушка, Богъ насылаеть! Мы Бога не слушаемъ, а насъ дѣтища не слушаютъ. Истые-то Христовы слуги куда какъ хорошо Богу служили! За то змѣй въ руки брали и звѣрей дикихъ укрощали, а мы что?! убѣждаетъ въ отвѣтъ Филиппъ.

— А мнѣ что дѣлать, батюшка? ноженьки не идутъ, одеревенѣли, разнедужилась вся, хоть ложись, да умирай, вопрошаетъ другая.

— Кланяйся, молись, постись, говѣй и св. Тайнъ чаще приобщайся, ну и отлегнетъ, — удовлетворяетъ женщину Филиппъ.

— Спился вотъ я совсѣмъ, скрутился. Что тутъ дѣлать мнѣ? спрашиваетъ мужичекъ.

— Водицы святой да масла отъ мощей угодника каждое утро испивай, ну и будетъ бѣжать тебя бѣсъ-то винный, поучаетъ Филиппъ.

— А замужь меня благословишь выйти? спрашиваетъ дѣвушка.

— Богу напередъ хорошенько поработай, а грѣху и такъ вдоволь останется, — слышится кроткій совѣтъ Филиппа.

— А мнѣ въ другой разъ замужь можно? обращается вдова.

— Мало развѣ до этихъ поръ грѣшила? — О днѣ послѣднемъ вспомни, да за Христа замужь и ступай, — отвѣчаетъ онъ.

Каждое слово его принималось и цѣнилось простыми сердцами, какъ слово святаго человѣка, «душевидца», и бывали случаи, что его слово удерживало людей отъ зла.

— Святой Филиппушка! братъ меня изводить, а я покончить его хочу разомъ, спрашиваетъ одинъ.

— Грѣшный я, грѣшный ты, грѣшный онъ. Какъ же судить-то намъ другихъ? Терпи и молись, а противъ Бога не иди, убѣждаетъ юродивый.

— Филиппушка-батюшка! благослови удавиться, обращается къ нему деревенская женщина.

— Что это ты задумала? изумленно вопрошаетъ онъ.

— Сынка баринъ въ солдаты сдалъ. Больно, ухъ какъ больно! Ну и хочу удавиться, чтобы грѣхъ-то на немъ, на баринѣ-аспидѣ былъ, рассказываетъ та со слезами.

— Твоя душа загибнетъ, а баринъ будетъ живъ и покаяться успѣетъ. Оттого-то врагъ тебя и толкаетъ въ адъ, утѣшаетъ Филиппъ плачущую:—а сынъ пускай служить, будетъ за то стриженный *) монахъ. Царь самъ служить на защиту вѣры, Церкви и земли.

Утѣшенные, увѣренные, что «его устами слова съ неба идутъ», расходились спрашивающіе, и новыя толпы являлись къ Филиппушкѣ.

Иногда, встрѣтивъ на площади посада торговца калачами или чѣмъ либо другимъ съѣстнымъ, Филиппъ собиралъ «богатыхъ купцовъ», какъ онъ называлъ нищихъ и начиналъ раздавать имъ все, что было у тор-

*) Стриженными монахами онъ звалъ всегда солдатъ.

говца. Боясь обидѣть «человѣка божьяго», торговцы ему не препятствовали, тѣмъ болѣе, что Филиппъ почти всегда тотчасъ же приводилъ какого либо человѣка, который платилъ за все розданное.

Изрѣдка въ Филиппѣ какъ-бы пробуждалось его прежнее стремленіе къ странничеству, въ видѣ юродиваго, и онъ не надолго уходилъ въ Москву, но не дальше. По письмамъ святителя Филарета, не упускавшаго юродиваго изъ вида никогда, видно, что еще до прихода дѣтей, т. е. до 1850 года, Филиппъ былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ, именно въ іюлѣ 1848 года, и собирался пройти въ Новый Іерусалимъ, но не получилъ на это благословенія отъ владыки, такъ какъ въ Москвѣ произвелъ волненіе своимъ страннымъ видомъ и поведеніемъ; затѣмъ, въ октябрѣ того же года посѣтилъ Москву съ благословенія своего покровителя архипастыря Филарета; наконецъ путешествовалъ въ Москву въ ноябрѣ и декабрѣ 1849 года. Какъ заботливо относился святитель къ странничеству Филиппа и его юродству лучше, всего видно изъ подлинныхъ писемъ къ намѣстнику, писанныхъ въ то время.

«Спрашивалъ я Больше-крестовскаго протоіерея, не онъ ли, и какъ отправилъ въ тюрьму странника. Онъ сказалъ, что странникъ предъ всею церковью явился въ церкви съ жезломъ, увѣшаннымъ лентами, и стоялъ въ углу, окруженный народомъ. На другой день странникъ опять пришелъ, сѣлъ на паперти, что-то ѣлъ и народъ опять окружилъ его. Отсюда взяли его въ частный домъ.

Кажется, надобно посоветовать Филиппу удерживаться от такихъ поступковъ, которыми онъ какъ бы самъ себя выставляетъ на зрѣлище. Надобно терпѣть искушеніе, когда оно найдетъ, а не вводитъ самого себя въ искушеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ другихъ, когда намъ заповѣдано молиться: не введи насъ во искушеніе. Посему и предложенное путешествіе въ новый Іерусалимъ, я совѣтовалъ бы отложить до усмотрѣнія. Если же мое юродивое мудрованіе не понимаетъ мудрости юродства, то прошу прощенія» *). Это писалъ владыка о первомъ путешествіи Филиппа въ Москву. «Филиппа Богъ благословить совершить путешествіе. Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взятъ подъ арестъ, а если это ему нравится, сказалъ бы намъ, и мы арестовали бы его съ любовію, а не съ гнѣвомъ, какъ полиція» **), писалъ онъ о второмъ странствованіи юродиваго. Въ послѣднее болѣе продолжительное путешествіе, въ концѣ 1849 года, владыка выражалъ нѣсколько разъ безпокоившую его мысль о томъ, гдѣ Филиппъ и почему не является къ нему. «Филиппъ еще у меня не былъ» ***), пишетъ онъ 14-го и повторяетъ тоже 16-го ноября. «Возвратился ли Филиппъ? Мнѣ говорили, что около него собирается народъ, и что даже онъ задержанъ. А гдѣ искать его, не знаю. Если не возвратился, не укажете-ли, гдѣ его поискать?» ****) «Въ другой разъ спрашиваю: возвратился

*) Письмо 649 отъ 18 іюля 1848 года.

**) Письмо 658 отъ 15-го октября 1848 г.

***) Письмо 716 и 717 отъ 14-го и 16-го ноября 1849 г.

****) Письмо 723 отъ 22-го декабря 1849 г.

ли Филиппъ» *), высказывалъ свое безпокойство святитель Филаретъ **).

Въ послѣдній разъ въ видѣ странника—юродиваго Филиппъ путешествовалъ уже позже, когда съ нимъ были сыновья. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ путешествіи сопутествовавшій ему сынъ. «Пойдемъ, говоритъ батюшка, въ большую деревню», какъ онъ звалъ Москву. Отправились мы прямо въ Кремль.—«Не говори, что ты мнѣ сынъ; говори, что чужой», говоритъ мнѣ батюшка. Идемъ, онъ впереди съ жезломъ, а я сзади, въ мірской одеждѣ. Было это въ царскій день, звонъ надъ Москвой стоялъ страшный. На батюшку и его жезлъ съ голубкомъ все смотрятъ, собираются около него, спрашиваютъ. Онъ же молча идетъ впередъ.—«Куда ты идешь?» спрашиваетъ его городской.—«Иду къ царю обѣдать!» отвѣтилъ батюшка, а шли мы въ соборъ къ обѣднѣ. Тотчасъ батюшку арестовали и взяли въ часть, какъ бродягу. Я не медля ни мало, отправился къ нашей благодѣтельница г-жѣ Мачихиной, которая вмѣстѣ со мной отправилась къ графинѣ Толстой и передала ей все, что случилось съ батюшкой. Графиня вмѣстѣ съ нами пріѣхала въ часть и спрашиваетъ: «гдѣ Филиппъ?» Намъ показали казематъ, въ которомъ онъ сидитъ.—«Тебѣ чай не хорошо здѣсь?» спрашиваетъ графиня батюшку.

*) Письмо 724 отъ 30-го декабря 1849 г.

**) Этимъ письмомъ законченъ 2-й томъ изданныхъ писемъ святителя Филарета. Изданіе еще не продолжено, поэтому обращаться къ письмамъ возможности нѣтъ.

— Лучше ада, молодунка! Видишь меня здѣсь берегутъ, да стерегутъ, съ улыбкой отвѣтилъ Филиппъ. По просьбѣ графини Филиппъ былъ тотчасъ освобожденъ. Да у него безъ полиціи дѣла не бывало: какъ пойдетъ, такъ засадятъ.

Въ это путешествіе Филиппъ былъ уже рясофорнымъ монахомъ, но ни въ это время, ни въ послѣдствіи онъ не покидалъ до самой смерти усвоеннаго имъ въ годы юродства обыкновенія держать себя и говорить загадочно, иносказательно. Съ дѣтьми даже онъ держалъ себя такимъ образомъ. Только въ концѣ своего подвига земнаго онъ сталъ обращаться съ ними просто, безъ юродства и образности въ рѣчахъ.

Трудная, долговременная подвижническая жизнь, громадная, пройденная въ годы юродства, пространства, продолжительный постъ, ношеніе тяжелыхъ веригъ и посоха, тяжелый трудъ при копаніи пещеръ, — все это постепенно распатывало здоровье юродиваго, такъ что съ перваго же года пещерничества у него стали обнаруживаться различные болѣзненные припадки, которые сильно беспокоили его и заботили владыку Филарета. Особенно сильно занемогъ было онъ въ концѣ декабря 1848 года и проболѣлъ около 2-хъ мѣсяцевъ, такъ что предполагали у него развитіе чахотки. «Слава Богу, что идущіе подземнымъ путемъ на небо, возвращаются на сей путь, не встрѣтивъ претыканія. Занемогшаго поберегите. Видѣлъ я примѣръ излѣченія отчаянно больнаго чахоткою, чрезъ употребленіе лѣкарства составленнаго изъ

меда, аниса, солодковаго корня и солодковаго сока. Лекарство невинное и постное. Не хотите-ли, чтобы я прислалъ рецептъ на ваше разузданіе» *). «Требуете рецепта. Посылаю» **). Рабу Божию Филиппу и сопрывающимъ Божіе благословеніе призываю, а ему и облегченіе отъ болѣзни» ***), писалъ въ это время въ письмахъ къ намѣстнику заботливый святитель.

Послѣ этой болѣзни, здоровье Филиппа уже до самой смерти вполне не возстановлялось и часто, хотя и не надолго, онъ сильно занемогалъ. Въ одну изъ такихъ болѣзней намѣстникъ о. Антоній, всегда съ любовью относившійся къ Филиппу и часто у него бывавшій, предложилъ ему принять полное монашеское постриженіе съ измѣненіемъ имени. Старецъ съ радостью согласился и просилъ дать ему имя Филарета, общее съ святителемъ митрополитомъ, котораго Филиппъ всегда называлъ, не иначе, какъ *бѣлымъ* (по бѣлому цвѣту митрополичьяго клобука) *ангеломъ*. Вскорѣ Филиппъ былъ постриженъ и получилъ, дѣйствительно, имя Филарета.

Въ день постриженія, сильно больной, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, какъ бы въ полубморокѣ; но, когда взошелъ въ пещеру о. намѣстникъ, чтобы совершить постриженіе, то Филиппъ внезапно открылъ глаза, ожившись, сталъ молиться, сознательно и внятно произнесъ монашескіе обѣты и скорѣ опять впалъ въ забытѣе.

*) Письмо 669.

***) Письмо 670.

****) Письмо 672.

«Въ ту минуту, когда входилъ въ пещерку о. намѣстникъ, я видѣлъ себя въ глубокомъ снѣжномъ сугробѣ, и сколько не силюсь, а выбраться не могу. Приходитъ будто о. намѣстникъ къ самому краю сугроба, подаетъ мнѣ руку; я взялся за нее и онъ меня вытащилъ. Очнулся я сразу, гляжу, а батюшка-то, о. намѣстникъ, около меня стоитъ, постригать пришелъ», рассказывалъ потомъ о. Филаретъ своимъ дѣтямъ.

Вскорѣ послѣ постриженія, въ болѣзни о. Филарета сдѣлался переходъ къ лучшему и онъ, хотя и не быстро, поправился, сталъ по прежнему трудиться надъ улучшеніемъ пещеръ и поучать ближнихъ. Одно только долженъ былъ онъ, съ принятіемъ монашескаго чина, измѣнить въ своемъ образѣ жизни—оставить свой посохъ съ голубкомъ и носить обувь. «Владыка святой! обуваться-то я больно лѣнивъ, все не хочется!» упрасивалъ онъ благословлявшаго его на новый образъ жизни святителя Филарета. Но владыка, разрѣшивъ ему носить вмѣсто сапогъ, ботики и замѣнить посохъ съ голубкомъ посохомъ съ головкою изъ мѣди, покрытой священными изрѣченіями, не позволилъ ему сохранять прежній видъ юродиваго, «да не соблазняются другіе монахи». Съ этого времени о. Филаретъ оставилъ наружное юродство и предъ Лаврою на Красной площади уже болѣе не появлялся.

Дѣти его жили каждый въ отдѣльной подземной кельѣ—темной, четырехугольной комнатѣ съ землянымъ поломъ, стѣнами и потолкомъ и были при немъ послушниками.

Каждая келлія имѣла не болѣе сажени въ длину и ширину; печей въ нихъ не было и даже зимою нагрѣвались онѣ однимъ дыханіемъ и тремя лампадами, которыя замѣняли и дневной свѣтъ. Дѣти его учились въ пещерахъ грамотѣ. Самъ же о. Филаретъ, не смотря на все убѣжденія намѣстника о. Антонія, учиться грамотѣ не пожелалъ, отвѣчая: «поздно уже за азбуку браться». Это приписываютъ вполне смиренію о. Филарета, опасавшагося съ пріобрѣтеніемъ знанія грамоты быть посвященнымъ въ іеродіаконы и іеромонахи, чего онъ не желалъ. вмѣстѣ съ ними жили еще нѣсколько пещерниковъ, такъ что всего было 14 подземныхъ келлій, населенныхъ пустынножителями. Между тѣмъ въ средней молитвенной пещерѣ была уже устроена церковь и 27-го сентября 1851 года освящена самимъ святителемъ митрополитомъ Филаретомъ во имя св. Архистратига Михаила.

Не безъ внушенія врага рода человѣческаго, вскорѣ поднялось гоненіе на подвижника отъ нѣкоторыхъ изъ скитской же старшей братіи. Двоимъ изъ скитянь, обнаруживавшимъ склонность къ безмолвію и пустынножительству, было не по духу, что къ о. Филарету стекаются для назиданія въ духовной жизни богомольцы, и они стали распускать про него всякаго рода дурную славу. Одинъ изъ жившихъ въ пещерахъ послушниковъ, примкнувъ къ нимъ и выдавъ, какъ Христа Иуда, своего учителя въ подвижничествѣ, сталъ часто беспокоить о. намѣстника анонимными, полными всякой неправды, письмами. Господь видимо вразумилъ возставшихъ на старца Филарета.

Авторъ анонимныхъ писемъ, сознавшійся въ этомъ предъ кончиною, умеръ вскорѣ страшною смертію. Онъ приготовилъ булку съ мышьякомъ для истребленія мышей и крысъ въ пещерахъ и самъ же съѣлъ ее, смѣшавъ съ другою, одинаковою по виду, но неотравленною булкой, бывшей у него въ келліи, отчего и умеръ въ мученіяхъ, успѣвъ все-таки исповѣдать грѣхъ предъ старцемъ и выпросить у него прощеніе. Тѣмъ не менѣе наказаннаго очевидно Богомъ о. намѣстникъ не позволилъ положить на монастырскихъ кладбищахъ, а приказалъ схоронить на мірскомъ Кокуевскомъ кладбищѣ, въ Сергіевомъ посадѣ. Непріязнь старшихъ скитянь не уменьшилась, какъ не старался о. намѣстникъ умиротворить ихъ. Тогда о. намѣстникъ, удовлетворяя желанію старца Филарета, посоветовалъ ему выбрать себѣ мѣсто въ окружающихъ лѣсахъ для устройства келліи. Старецъ пожелалъ на время совсѣмъ удалиться изъ окрестностей скита и собрался на богомолье въ Кіевъ, но въ это время у него усилилась боль въ ногахъ.

— Нѣтъ воли Божіей на то, чтобы мнѣ поклониться отцамъ пещеръ Кіевскихъ—Антонію и Феодосію. Буди воля Его! рѣшилъ о. Филаретъ и переселился изъ пещеръ въ Лавру.

Не было конца изумленію почитателей о. Филарета, когда онъ вышелъ изъ Пещеръ въ Лавру, но ни одного слова неудовольствія не слыхалъ отъ него никто.

— Ушелъ отчего? съ землей поссорился, не ужился, съ унылой разбранился, иносказательно говорилъ всѣмъ незлобный о. Филаретъ.

IV.

Основаніе Киновіи. Схимонашество и смерть.

Избравши Лавру для временнаго пребыванія, о. Филаретъ, замѣтно, грустилъ по оставленнымъ имъ пещерамъ. Нерѣдко онъ отправлялся въ лѣсъ, окружавшій скитъ и пещеры, и ходилъ тамъ. Во время одного посѣщенія этаго лѣса взглядъ его остановился на красивомъ мѣстѣ, находящемся въ части лѣса, принадлежавшей Лаврѣ, не вдалекѣ отъ созданныхъ имъ пещеръ. Мѣсто это занимало довольно высокій пригорокъ, спускавшійся обрывомъ къ заливу скитскаго пруда, расходящагося отсюда двумя заливами подъ угломъ: однимъ по краю пригорка, другимъ къ пещерамъ. Это возвышенное мѣсто, откуда видна была Сергіева Лавра и окружающій ее посадъ въ одномъ направленіи, а въ противоположномъ не вдалекѣ виднѣлись правѣе скитъ, лѣвѣе же на другой сторонѣ пруда пещерки, сразу понравилось о. Филиппу, и онъ высказалъ намѣстнику о. Антонію желаніе имѣть на этомъ мѣстѣ келлію. Помнившій свое обѣщаніе устроить келлію на избранномъ о. Филаретомъ мѣстѣ, о. намѣстникъ исполнилъ его желаніе, и вскорѣ келлія и мостикъ чрезъ прудъ для пѣшеходовъ прямо, не обходя скита, были сдѣланы. Въ этой келліи о. Филаретъ поселился со всѣми тройми сыновьями; низъ келліи служилъ имъ жилищемъ,

чердакъ же былъ моленною, гдѣ они совершали возможныя службы: вычитывали правило, вечерню, утреню и часы. Съ теченіемъ времени моленная была перенесена въ сарай, выстроенный около келліи такъ, что одна его половина имѣла дѣйствительно назначеніе домашней пристройки и служила помѣщеніемъ для дровъ, другая же была обращена въ простую часовню.

Какъ не уединенно было мѣсто, избранное о. Филаретомъ для келліи, но богомольцы и почитатели нашли его въ его отшельничествѣ; нашлись и такіе люди, которые пожелали украсить это мѣсто храмомъ Божиимъ. Первая изъявила желаніе на это въ 1857 году Московская купчиха М. И. Логинова, почитавшая о. Филарета за его подвиженическую жизнь. Она просила разрѣшенія построить при келліи о. Филарета каменную церковь; но такъ какъ разрѣшеніе на это могло получиться не особенно скоро, то сначала, въ 1858 году, была построена каменная часовня. Святитель Филаретъ сначала не соглашался было разрѣшить постройку церкви на новомъ мѣстѣ близъ скита, такъ какъ предвидѣлъ, что около церкви современемъ возрастетъ обитель; увеличеніе же обителей около скита было не согласно съ его мнѣніемъ о тишинѣ скитской. Старецъ Филаретъ не настаивалъ на исполненіи мысли о церкви, но только высказалъ, что „видѣть церковь на этомъ мѣстѣ онъ хотѣлъ бы потому, что здѣсь будетъ его могила“. Послѣ этого указанія на будущее владыка Филаретъ стровъ церковь благословилъ, а годъ спустя, 27 сентября 1859

года, уже освятилъ верхній храмъ въ честь иконы Боголюбивыя Богоматери или Боголюбской Божіей Матери самъ архіерейскимъ служеніемъ; мѣсяць же съ небольшимъ спустя, 5-го ноября 1859 года, былъ освященъ намѣстникомъ архимандритомъ Антоніемъ и нижній храмъ въ честь преподобныя Матроны и мученицы Капитолины, имена коихъ носили строительница храма Матрона Ивановна Логинава и дочь ея Капитолина.

Спустя недолго всѣ три сына о. Фаларета, числившіеся послушниками скита, приняли монашество: первымъ былъ постриженъ Порфирій и получилъ имя Прокопія; затѣмъ одновременно пострижены были Игнатій и Василій съ наименованіями первый Галактіономъ, второй Лазаремъ. Нужно замѣтить, что постриженіе Игнатія, какъ женатаго, могло состояться не иначе, какъ одновременно съ принятіемъ монашества его женою, состоявшею до этого послушницею Зосимовской пустыни. Когда ея согласіе было получено и она пріѣхала, то въ одинъ день и часъ совершилось постриженіе въ церкви Боголюбивыя Богоматери о. намѣстникомъ Игнатія съ Василіемъ, а въ пещерной церкви казначеемъ Лавры жены Игнатія Елизаветы; при чемъ они получили имена мучениковъ-супруговъ: Галактіона и Епистиміи, память коихъ 5-го ноября.

Послѣ этого, съ разрѣшенія о. намѣстника, при о. Филиппѣ поселилось нѣсколько послушниковъ, были поставлены зданія для келлій и такимъ образомъ основалась новая обитель—Киновія Боголюбивой Богоматери.

Впослѣдствіи, когда обитель стала расширяться, на южной окраинѣ ея было назначено мѣсто для погребенія Лаврской братіи и такимъ образомъ киновія *) стала обителью — кладбищемъ.

Разстроенное здоровье о. Филарета, не смотря на то, что онъ жилъ уже въ лучшемъ для него положеніи, т. е. не въ пещерѣ, постоянно лишало его покоя. Въ рукахъ отъ сильнаго напряженія, при долготѣннемъ ношеніи тяжелаго посоха, открылась ломота, грудь отъ ношенія веригъ ослабѣла и стала болѣть; отъ пещерной сырости постепенно стала оказываться водянка; ноги, много лѣтъ незнавшія, даже въ морозы, обуви, начали нѣмѣть и опухать. Все это вмѣстѣ, усилившись, зимою 1863 года, дало поводъ думать, что старецъ близокъ къ тому, чтобы покинуть этотъ міръ. Поэтому, готовясь къ кончинѣ, онъ 20-го марта 1863 года принялъ схиму, получивъ снова свое мірское имя Филиппа.

Казавшаяся очамъ людскимъ близкою, кончина старца послѣ принятія схимы была Промысломъ Божиимъ отдалена еще болѣе, чѣмъ на пять лѣтъ. Схимонахъ Филиппъ поправился въ здоровьи, послѣ принятія великаго ангельскаго образа, значительно и снова явился своимъ почитателямъ въ своемъ подвижничествѣ. Судьбы Божія, возставившія его отъ одра смерти, на закатѣ жизни готовили ему еще самое глубокое испытаніе его смиренія, кротости и терпѣнія.

*) Въ переводѣ съ греческаго языка, значить общежитіе.

Въ 1876 году людьми, желавшими сдѣлать вредъ старцу схимонаху Филиппу, была пущена молва, что въ Киновіи и именно въ келліи руководителя ея схимонаха производится выдѣлка фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Какъ ни ясна была клевета въ этомъ случаѣ, тѣмъ не менѣе молва, сильно распространяясь, была причиною того, что произведенъ былъ самый тщательный обыскъ въ келліи схимонаха и его сподвижниковъ. Уже послѣ обыска стала очевидною для всѣхъ нелѣпость пущенныхъ слуховъ. Святитель Филарета больше всѣхъ ободрялъ схимника смириться и, желая дать ему возможность лучше успокоиться гдѣ либо въ новомъ мѣстѣ, а въ то же время ослабить соблазнительную молву, посоветовалъ Филиппу оставить Киновію на время. Схимонахъ, исполняя желаніе свое и владыки, отправился со всѣми троими сыновьями,—Галактіонъ и Прокопій были уже іеромонахами, а Лазарь іеродіакономъ, — въ Московскій Симоновъ монастырь. Побывъ здѣсь не долго, они перешли въ Богородичный монастырь въ Тулѣ и наконецъ отсюда въ Введенскую пустынь Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи *). Настоятель пустыни, знавшій схимонаха еще за долго до этого, былъ очень

*) Еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось *ложное* убѣжденіе, что схимонахъ Филиппъ, отсутствуя въ это время изъ Киновіи, находился будто бы въ тюрьмѣ. Основаніемъ этихъ *слуховъ* послужило, навѣрное, то обстоятельство, что одновременно съ „дѣломъ о фальшивыхъ бумагахъ въ Киновіи“ въ Москвѣ, въ тюрьмѣ содержался афонскій расофорный монахъ Филаретъ, похитившій на Афонѣ вещи и бѣжавшій оттуда въ Россію.

радъ этому и предложилъ старцу съ сыновьями начать основаніе при пустыни скита на уединенномъ островѣ, на что они и согласились. Но духъ схимника, еще до построенія церкви въ Киновіи высказавшаго, что это мѣсто будетъ его могилою, влекло въ Киновію и въ октябрѣ 1868 года онъ съ дѣтьми возвратился въ Лавру, откуда намѣстникъ тотчасъ же разрѣшилъ имъ возвратится въ созданную ими Киновію, давъ старцу Филиппу указъ руководить Киновіей, которая должна навсегда стать кладбищемъ Лавры и отъ нея во всемъ зависѣть.

Года не прожилъ старецъ послѣ возвращенія въ Киновію. Начавъ сильно болѣть еще зимою и по старости—ему было болѣе 66 лѣтъ—не имѣя силъ перенести недугъ, онъ въ май 1869 года сталъ, очевидно, близокъ къ гробу. 18-го мая въ 5 часовъ утра, предчувствуя послѣднія минуты жизни, онъ пригласилъ духовника своего о. Тихона, бывшаго духовникомъ скита, исповѣдался, принялъ св. Тайны изъ рукъ сына своего іеромонаха Прокопія и въ 12 часовъ дня мирно отошелъ къ жизни той, къ которой въ трудныхъ христіанскихъ подвигахъ готовился въ теченіи 33-хъ лѣтъ. Погребенъ онъ намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Антоніемъ въ нижнемъ храмѣ Киновіи за правымъ клиросомъ.

V.

Еще черты и случаи изъ жизни старца. Пещеры и Киновія теперь.

Духъ юродства, сдѣлавшійся присущимъ о. Филиппу еще въ молодости, сохранялся въ немъ до самой смерти и привлекалъ къ нему и во время его монашества и схимонашества множество жаждавшихъ назиданія и утѣшенія духовнаго. Никогда никого не отпустилъ подвижникъ, не преподавъ наставленій и совѣтовъ, смотря по нуждѣ каждаго. Не мало случаевъ изъ этихъ бесѣдъ остаются неизвѣстными, и лишь тѣ изъ нихъ, которые удалось собрать, но не пришлось помѣстить выше въ послѣдовательномъ изложеніи жизни, необходимо, думается, для полноты описанія привести теперь.

Разъ къ о. Филарету въ пещеры приплы посѣтившія Лавру свѣтскія лица, пріѣхавшія изъ Петербурга.

— «Съ ангеломъ! съ ангеломъ! радушно привѣтствовали онъ гостей:—вы изъ безгрѣшной деревни?» Такъ старецъ звалъ Петербургъ. Пріѣхавшіе, очевидно, его не понимали.

— «Вы изъ Петербурга?» еще разъ спросилъ онъ. — «Да изъ Петербурга,» отвѣчали посѣтители—«У васъ въ пятницу и среду—то варють или сухояденіе бываетъ?» спрашиваетъ старецъ. — «Мы не понимаемъ, о чемъ вы насъ спрашиваете», отвѣтили гости. — «Не понимаете? Посты въ среду и пятокъ соблюдаете-ли?» разъяснилъ о. Филаретъ.—«Родители насъ не учили этому; ну мы и не знаемъ, что въ среду и пятницу ѣсть скоромное

нелзя» отвѣчали изумленные посѣтители. — «О! среда-то горяча, а пятница еще горячѣе» стали объяснять имъ старецъ. изатѣмъ далъ имъ наставленіе строго соблюдать посты.

— Какъ идти къ вамъ грязно, сказали посѣтители эти Филиппу.

— Да, вѣдь, это у васъ въ безгрѣшной деревни грязь-то дешева. возразилъ онъ имъ: — а у насъ такъ дорога. Чтобы грязь замарать, много нужно, бываетъ, заплатить.

Въ другой разъ къ нему обратилась вновь назначенная игуменія одного женскаго монастыря съ просьбою дать ей указанія при началѣ ея распорядительной дѣятельности въ обители.

— Хороши тѣ настухи, которые за овецъ своихъ дупу полагаютъ, заговорилъ наставительно старецъ: попадетъ овна въ грязь, они ее вынутъ, обмоютъ, очистятъ, а строго безъ разума не бьютъ. Страху Божьему научили и любить себя заставили. Хороши тѣ христіане, которые виноградъ не сушатъ. Такъ и ты, игуменка, веди твой виноградникъ, а полунощницу не просыпай и овецъ своихъ отъ соблазна спасай.

Въ иныхъ случаяхъ о. Филаретъ говорить столь образно, столь иносказательно, что его слова были непонятны священному уму сразу совѣтъ непонятны. Такъ однажды къ нему обратилась за совѣтомъ свѣтская образованная дама и, бесѣдуя съ нимъ, рассказала, что она слишкомъ невоздержна на языкѣ.

— А ты зубы то на базаръ продай, а языкъ на говядину искроши *(т. е. заставь его говѣть, удерживай*

его), купи рѣшето и просѣвай воду (*т. е. лѣй слезы, плачь*), и поливай въ лукъ медомъ (*терпи и скорби и радости*), траву «нетронь меня» (*т. е. самолюбіе*) почаще вырывай, чтобы больно не заростала. Есть еще трава павелика (*т. е. гордость*) растеть невелика (*т. е. незаметно*) и много путаеть. Вотъ какъ эти травы *объ-то* сойдутся да совьются, то и бѣда, а коль все перенесемъ, да перетершимъ, то и все побѣдимъ.

Бывали случаи, что о. Филаретъ отвѣчалъ и нѣсколько шутливо, но и такой оборотъ рѣчи его былъ всегда назидателенъ. Обращается напримѣръ, къ нему деревенская женщина: «батюшка о. Филаретъ! благополучно ли у меня дома-то, дѣтки живы ли и здоровы? Я, вѣдь, давно уже изъ двора-то...»

— Эхъ, глупая ты баба! ты думаешь, что я монахъ, и Богу пріятель, и посылаешь меня къ нему про дѣтей твоихъ спросить. Молись, и все, слава Богу, будетъ въ добрѣ да здоровѣ, отвѣчаетъ старецъ.

Въ другой разъ пришедшіе въ Киновію уже богомольцы, желавшіе видѣть схимонаха, но не знавшіе его въ лице, встрѣтили его самаго у воротъ обители и спросили: «гдѣ найти схимника?»

— На что онъ вамъ? онъ послѣ похмѣлья крѣпко спить: на пиру духовномъ былъ (*т. е. за литургіей*), отвѣчалъ онъ о себѣ самомъ.

Неоднократно прозорливый старецъ открыто высказывалъ мысли и чувства другихъ, таимья ими внутри себя. Особенно поразительны въ этомъ отношеніе два случая.

— «Въ бытность мою послушникомъ, рассказывалъ одинъ іеромонахъ скита: сосѣдь мой по келліямъ вздумалъ подшутить надо мной, пошутить меня ночью, когда я собирался ложиться спать, накрывшись простыней и подойдя къ открытому окну моей келліи, приходился и сталъ производить шорохъ по стѣнѣ и окну и протаскивать въ окно руку, обернутую во что-то бѣлое. Внезапность и странность представлявшагося такъ меня смутила, что я поднялъ крикъ и разбудилъ другихъ моихъ сосѣдей. Шутка выяснилась, но съ этого времени я сталъ ощущать какой-то необычайный страхъ, особенно ночью, когда возвращался въ келлію, по окончаніи очереди чтенія неумолкаемой псалтири въ церкви. По двору скита и въ окнахъ келліи мнѣ представлялись страшныя привиденія. Долго я тайлъ все это въ душѣ, боясь насмѣшекъ; мучился и молчалъ. Однажды вечеромъ, прохаживаясь по лѣсу съ начальникомъ скита, мы дошли до пещеръ, гдѣ жилъ старецъ. Увидѣвъ его у пещеръ, о-строитель сказалъ: «а мы къ тебѣ, старецъ, въ гости идемъ, чай пить.» Старецъ радушно насъ встрѣтилъ и изготовилъ самоваръ. За чаемъ снѣ началъ рассказы-вать о томъ, что будто-бы случается съ нимъ: «вотъ, отцы, что со мной бываетъ: сижу я въ келліи, иду-ли ночью, находить на меня страхъ и ужась, такъ, что не знаешь, куда дѣваться», — и онъ до мельчайшихъ подробностей передалъ все то, что испытывалъ, но скрывалъ тщательно я.

— Не пойму, что это и къ чему рассказывалъ онъ о какихъ-то страхахъ, сказалъ о-строитель (знавшій так-

же, что старец напрасно, безъ цѣли благой, нелюбить говорить), когда мы шли обратно въ скитъ.

Тогда я сознался начальнику, что все, что говорилъ, старецъ, испытывалъ и скрывалъ я; онъ же, прозрѣвъ все, обличилъ меня за напрасный страхъ или за скрытность. Съ этого времени все бывшее со мною, какъ рукой сняло, и никакихъ ужасовъ, никакого страха никогда послѣ я не испытывалъ.

Другой случай относится уже къ тому времени, когда старецъ былъ схимонахомъ и жилъ въ Киновіи.

— Пріѣхалъ я въ Лавру на богомолье, рассказываетъ строитель одного монастыря (нынѣ игуменъ) Р. губерніи. Помолвившись въ Лаврѣ, я отправился въ скитъ и Киновію. Было жаркое время и я отъ жары пошелъ въ легкой черной раскѣ и шляпѣ съ широкими полями; въ рукахъ у меня были зонты; вообще по виду меня можно было принять за блага священника или діакона, но никакъ не за іеромонаха. Въ Лаврѣ и окрестностяхъ меня никто не зналъ; поэтому я и смелъ возможнымъ быть по виду не монахомъ. Придя въ Киновію, я узналъ, что старецъ находится на кладбищѣ около церкви. Это, рассказали мнѣ, было его любимое мѣсто лѣтомъ. Сидя здѣсь на скамьѣ подъ большой сосной, онъ бесѣдовалъ съ богомольцами и раздавалъ крестики и образочки, которые всегда лежали около него. Выйдя на кладбище и подходя къ старцу, я вижу, что онъ встаетъ, оставляетъ богомольцевъ, дѣлаетъ три шага впередъ по направленію ко мнѣ отъ скамьѣйки и складываетъ руки для принятія благословенія.

— Благослови начальникъ!—обращается онъ ко мнѣ. Я снялъ шляпу, благословилъ его большимъ монашескимъ крестомъ.

— А братіи у тебя подѣ начальствомъ въ твоёмъ монастырѣ много?—обратился ко мнѣ старецъ, поцѣловаль руку и пошелъ къ своей скамейкѣ. Ясно, что онъ окомъ прозорливости проникъ въ то, что я монахъ и начальникъ монастыря, и устыдилъ меня за вольность относительно немонашескаго костюма.

Слава о юродствующемъ старцѣ распространялась далеко, такъ что о немъ было извѣстно и въ царствующемъ домѣ. Въ сентябрѣ 1855 года посетилъ Лавру и скитъ съ пещерами покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ и изъявилъ желаніе видѣть о. Филарета, жившаго въ это время въ уединенной келліи тамъ, гдѣ потомъ возрасла Киновія, высказавъ при этомъ, что онъ давно знаетъ о старцѣ. О. Филаретъ пришелъ въ скитъ въ монашеской одеждѣ.

— Да ты уже монахъ теперь?—спросилъ его Государь.

— Не знаю, монахъ-ли, смиренно отвѣтилъ старецъ:— а хотѣлъ бы монахомъ побыть хоть одинъ часъ, Государь!

Умеръ старецъ, конченъ его подвигъ земной, но рука Промысла Божія не допустила заупустѣть мѣстамъ, гдѣ онъ подвизался. Матерь Божія въ иконѣ своей Черниговско-Ильинской осѣнила своимъ благословеніемъ мѣсто сіе. Только мѣсяць спустя послѣ оставленія о. Филаре-

регомъ пещерь, сія икона была дана вкладомъ въ пещеры А. Г. Филипповою, почитательницею старца, желавшею, чтобы эта ихъ семейная чудотворная святыня охраняла оставленные старцемъ пещеры. Пещеры не запустѣли и составили цѣлую небольшую обитель. Окончался святитель митрополитъ Филаретъ, покровительствовавшій созданію пещерничества, скончался и подвижникъ Филиппъ, до схимы носившій имя общее съ владыкою, и 1-го сентября 1869 года—3¹/₂ мѣсяца спустя послѣ смерти схимонаха Филиппа и менѣе 2-хъ лѣтъ послѣ кончины владыки Филарета—икона, данная въ пещеры А. Г. Филипповою, прославилась первымъ чудомъ надъ крестьянкою Оеклою Андріановою, исцѣливъ ее послѣ 9-ти лѣтъ полного расслабленія тѣла и невладѣнія ни однимъ членомъ, и лѣтъ множество исцѣленій.

Не оскудѣла и Киновія, бывшая послѣднимъ жилищемъ подвижника схимонаха Филиппа. Осѣняемая Матерію Божию, она имѣетъ при себѣ Лаврское кладбище и обратилась въ обитель, вмѣщающую около 30 братій, которыми управляетъ со времени смерти схимонаха Филиппа, по назначенію начальства Лавры, еще самимъ схимонахомъ при жизни указанный въ начальники, сынъ его іеромонахъ Галактіонъ. Свято почитая память о своемъ родителѣ и исполняя волю начальства, давшаго ему наставленіе, хранимое въ его келліи «благоговѣйно вести церковное богослуженіе, не измѣняя того порядка, какой былъ при старцѣ-родителѣ, братією же управлять съ любовью и милосердіемъ, сообразно отеческимъ предані-

ямъ», — управляющій Киновією и братья его іеромонахи Прокоій и Лазарь, всѣми мѣрами охраняють всѣ порядки, бывшіе при схимонахѣ Филиппѣ, берегутъ ту келлію, которая была ихъ первымъ жилищемъ и молитвеннымъ мѣстомъ тамъ, гдѣ теперь Киновія, и служила до смерти жилищемъ схимонаха; сохраняютъ и тѣ орудія тяжелаго подвижничества, которыя носилъ старецъ во время своей юродственной и монашеской жизни: вериги въ $27\frac{7}{8}$ фунта, посохъ съ голубкомъ, вѣсомъ въ 37 фунтовъ, другой посохъ, также тяжелый, служившій старцу въ монашествѣ, по благословенію святителя Филарета, и имѣвшій вмѣсто голубка мѣдную головку съ священными изреченіями; тяжелый крестъ съ такою же цѣпью, висѣвшей у него на груди; ту чашку съ привѣсками, въ которой юродивый носилъ крестики и схимонашеское одѣяніе, служившее старцу до смерти *).

*) Все это было сначала у гроба схимонаха Филиппа, теперь же находится въ келліи управл. Киновіи іером. Галактіона.

VI.

Зосимсва пустынька. Ея исторія и присоединеніе къ Киновіи.

Нераздѣльную часть Киновіи Боголюбивой Богоматери въ настоящее время составляетъ часовня, именуемая въ народѣ Зосимовой пустынькой. Часовня эта отстоитъ отъ Сергіева посада и Киновіи въ 20 верстахъ и находится въ густомъ лѣсу на возвышенномъ берегу рѣки Молохчи, близъ села Никульскаго Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи.

Преданіе, сохранившееся въ устахъ окрестныхъ старожиловъ и подтверждавшееся будто бы письменными документами, сгорѣвшими у одного изъ прежнихъ владѣльцевъ этой мѣстности, сообщаетъ, что лѣтъ полтора-раста или двѣсти назадъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ находится пустынька, подвизался съ нѣсколькими иноками трудолюбивый старецъ схимонахъ Зосима. Къ какому времени нужно съ точностію отнести это преданіе, утверждать нѣтъ возможности, а также и то, откуда явился въ этотъ лѣсъ старецъ Зосима.

Думаютъ, что пустынька при жизни схимонаха Зосимы была остаткомъ какого либо монастыря, коихъ въ этой мѣстности было разрушено во время нашествія поляковъ очень много; схимонаха же Зосиму и другихъ бывшихъ съ нимъ пустынножителей считаютъ ипоками, жившими въ разрушенномъ монастырѣ еще до его уничтоженія. Всѣхъ монашествующихъ со старцемъ Зосимою,

по преданію, было 4—6 человекъ и между ними окрестные жители называютъ иноковъ Кирилла и Іону, тоже бывшихъ будто бы потомъ схимонахами.

Поселившись въ лѣсу, пустынножители построили деревянную часовню съ нѣсколькими маленькими, къ ней пристроенными, келійками. Часовня эта, будучи уже весьма ветхую, существовала еще въ 20 годахъ настоящаго столѣтія и ее помнятъ окрестные старожилы. Пустынножители сами ископали колодезь на берегу рѣки Молохчи и проложили къ нему въ расчищенной лѣсной чащѣ тропинку, которая сохранилась и до нынѣ. Уцѣлѣла также и большая квадратная яма близъ часовни, приготовлявшаяся будто бы для какой-то постройки. Всѣ эти труды преданіе приписываетъ лично схимонаху Зосимѣ. Много лѣтъ провелъ здѣсь старецъ, при чемъ незадолго до смерти своей, время коей память народная не сохранила, удостоился будто бы посѣщенія нѣкоей «царицы».

Близъ мѣстности, гдѣ находится пустынька, пролегла дорога изъ Сергіевской Лавры въ Александровскую слободу (городъ Александровъ), въ женскомъ Успенскомъ монастырѣ коей жила въ заточеніи сестра Петра Великаго царевна Марѳа Алексѣевна, къ которой ѣздили ея сестры царевны Марья и Θεодосія. Затѣмъ проѣзжали здѣсь—царица Евдокія Θεодоровна Лопухина, первая супруга Петра I, когда ее везли въ заточеніе въ Суздаль, и вторая супруга его императрица Екатерина I, которой слобода была «отдана въ вотчину». Ѣздила не-

однократно и императрица Елизавета Петровна—цесаревной для охоты соколиной, императрицей же для посѣщенія Успенскаго монастыря, гдѣ она временно жила въ царствованіе Анны Иоанновны. Къ какой изъ этихъ царственныхъ женъ относится преданіе о посѣщеніи старца Зосимы, точно неизвѣстно, но полагаютъ, что къ Елизаветѣ Петровнѣ, которая затѣмъ по смерти старца дала значительную сумму на его торжественное погребеніе, совершенное архіереемъ,—хотя въ своемъ предсмертномъ наставленіи оставшимся пустынникамъ схимонахъ Зосима завѣщала похоронить его скромно, какъ подобаеть иноку. Умеръ, по преданію, схимонахъ Зосима «за двѣ недѣли до Петрова дня», т. е. въ половинѣ іюня. При этомъ, говорятъ, схимонахъ былъ не погребенъ три недѣли, пока не извѣстили посѣтившую его «царицу», по ея желанію, и хотя была страшная лѣтняя жара, но лицо и тѣло его вида своего ничуть не измѣнили и тлѣнію не предались.

По смерти его вскорѣ умерли и прочіе иноки, изъ коихъ двое схимонахи Іона и Кирилль погребены будто бы въ селѣ Никульскомъ. Такимъ образомъ пустынька осталась безъ обитателей, но окрестные жители не забывали этого мѣста и часто ходили въ праздничные дни на могилу схимонаха Зосимы, находившуюся въ лѣсу близъ часовни и имъ самимъ при жизни ископанную и выложенную кирпичемъ. Приходскіе священники, по просьбѣ крестьянъ, нерѣдко служили здѣсь панихиды, а 6 Августа бывають даже изъ села Никульскаго сюда

крестный ходъ, причеиъ близъ часовни собиралась деревенская ярмарка.

Въ 20 годахъ настоящаго столѣтїа, рассказываютъ сторожилы, владѣлецъ окружавшихъ часовню лѣса и луговъ, которые страдали и приминались ходившимъ на могилу старца народомъ, И. А. Тимоновъ, отличавшїйся нерелигіозностью, ходатайствовалъ чрезъ мѣстнаго благочиннаго о закрытїи часовни, на что и получилъ разрѣшенїе. Все, что напоминало пустыньку, было уничтожено, иконы изъ часовни взяты въ сосѣднюю церковь и даже камень съ могилы схимонаха былъ увезенъ. Такимъ образомъ мѣсто это запусѣло.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ новая владѣлица этого лѣса продала его на срубъ Александровскимъ купцамъ Баранову и Зубову, которыми былъ приставленъ къ лѣсу сторожъ—старичекъ, крестьянинъ близъ лежащаго сельца Коровайкина, Сеиень Ермолаевъ, знавшїй по рассказамъ всю исторїю пустыньки. Вскорѣ надъ могилою схимонаха Зосимы явился поставленный этимъ старичкомъ-сторожемъ липовый крестъ съ вѣзаннѣмъ металлическимъ образкомъ, а осенью 1848 года была выстроенна вновь маленькая деревянная часовня съ крыльцомъ, имѣвшая внутри всего около 5 квадратныхъ аршинъ.

Съ возобновленїемъ часовни возстановилось почитанїе окрестными жителями старца Зосимы и посѣщенїе его могилы. Бывшїй еще въ живыхъ, 4 года назадъ, девяностолѣтнїй старецъ Ермолаевъ (позже видѣть его не приходилось) рассказывалъ о множествѣ бывшихъ около

этого времени чудныхъ явленій у могилы схимонаха Зосимы.

— Предъ возобновленіемъ часовни, рассказывалъ онъ: старецъ Зосима нерѣдко являлся въ монашеской одеждѣ у мѣста своей старости и кончины и кадилъ вокругъ могилы, что видѣли нѣсколько свидѣтелей. Однажды пильщикъ, видѣвшій вмѣстѣ съ другими явившагося монаха, сталъ глумиться, говоря, что «это бѣсъ, принявшій видъ черноризца». Работавшіе съ нечестивымъ пильщикомъ, товарищи стали его останавливать, чтобы онъ не кощунствовалъ, такъ какъ окрестный народъ почитаетъ схимонаха Зосиму, какъ святаго. Тотъ не унимался и тутъ-же былъ наказанъ: онъ сразу палъ мертвымъ.

Молва о такихъ событіяхъ стала привлекать къ часовнѣ много богомольцевъ, тѣмъ болѣе, что пастухи близь лежащихъ селеній Коровайкина и Никульскаго рассказывали еще крестьянамъ, что, бывая со стадомъ вблизи того мѣста, гдѣ погребенъ схимонахъ, они видали неоднократно странное явленіе: надъ могилою схимонаха свѣтится огонь, въ родѣ горячей свѣчи или лампы и не потухаетъ ни при дождѣ, ни при вѣтрѣ; нѣкоторые-же крестьяне стали приносить на могилу стада Зосимы больныхъ дѣтей, оживая исцѣленій. Поводомъ для этого послужилъ такой случай.

Къ священнику села Никульскаго (теперь іеромонахъ Троице-Сергіевой Лавры) пришла женщина изъ деревни, находящейся верстахъ въ 25 отъ того мѣста и объявила, что у нея сильно болѣнъ сынъ и что во снѣ ей являл-

ся неизвѣстный старецъ и велѣлъ найти около с. Никульскаго въ лѣсу могилу пустынножителя и отслужить надъ ней панихиду. Священникъ исполнилъ ея просьбу, и она отправилась домой, а спустя нѣсколько дней возвратилась и объяснила священнику, что, придя домой, она нашла сына, бывшаго на краю гроба, уже совершенно здоровымъ.

Съ этого времени къ могилѣ схимонаха Зосимы стали собираться въ значительномъ количествѣ богомольцы, преимущественно изъ окрестныхъ мѣстъ, уже въ каждый праздничный день; пріѣзжало немало и помѣщиковъ. Священникъ села Никульскаго, по просьбѣ собиравшихся, долженъ былъ служить панихиды надъ могилою старца по нѣскольку разъ въ день.

Въ 1850 году сельцо Каравайкино, къ которому принадлежала часовня, было куплено генералъ-маіоромъ Волковымъ, мужемъ богобоязненнымъ. Вскорѣ послѣ вступленія во владѣніе имѣніемъ, онъ возложилъ на могилу старца, бывшею дотолѣ открытою и имѣвшую лишь каменный сводъ, мраморный камень съ надписью: «Схимонахъ Зосима». Другой уважаемый помѣщикъ В. В. Головинъ, владѣлецъ с. Никульскаго, построилъ близъ «часовни на могилкахъ» или «пустыньки Зосимовой», какъ ее звалъ народъ, сторожку, въ которой поселился тотъ-же Семень Ермолаевъ. Для сбора подаяній богомольцевъ, все увеличивающихся, была влѣлана у часовни кружка.

Узнало въ 1853 году о возобновленіи часовни и поклоненіи богомольцевъ на могилѣ старца Зосимы епархі-

альное начальство Владимірской губерніи и возбудило дѣло «о самовольномъ построеніи часовни въ лѣсу Волковыхъ», которое тянулось почти два года. Слѣдственная коммисія, состоявшая изъ чиновниковъ, назначенныхъ Владимірскимъ губернаторомъ, и депутатовъ отъ духовенства производила осмотръ часовни и допрашивала окрестныхъ селянъ, помѣщиковъ и священнослужителей, которые рассказали все вышеописанное. Дѣло было отправлено въ Св. Синодъ, откуда и послѣдовало распоряженіе «часовни не упразднять, приписать къ приходской церкви и наблюденіе за ней поручить мѣстному причту».

Такимъ образомъ право на существованіе «пустыньки» было признано высшею властію и это еще болѣе возвысило значеніе ея въ глазахъ народа. Часовню и сторожку, по желанію новой помѣщицы г-жи Неттель, коей продали Коровайкино гг. Волковы, нѣсколько поновили и лѣсъ около нея порасчистили. Лѣтомъ цѣлый день у часовеньки собирались богомольцы, — стали считать цѣлебными: воду изъ колодца близъ часовни, траву съ лужайки и даже песокъ и камешки съ близъ лежащей горы. Такое почитаніе «Зосимовой могилки» дало было въ 1863 году возможность нѣсколькимъ ловкимъ людямъ основать мошенническую шайку, участники которой подъ видомъ монаховъ ходили по окрестнымъ селамъ и, увѣряя, что скоро откроются мощи схимонаха Зосимы, собирали все, что давали довѣрчивые крестьяне. Все это дшло до духовнаго и свѣтскаго начальства, и шайка была скоро уничтожена, а г-жа Неттель пожелала послѣ этого пере-

дать пустыньку въ вѣдѣніе какого либо монастыря, имѣющаго возможность учредить лучшей надзоръ за нею. Пустынька, дѣйствительно, перешла вскорѣ въ пользу Киновіи Боголюбивой Богоматери. Передача ея Киновіи совершилась не безъ особаго указанія Божія; старецъ Зосима самъ, нужно думать, опредѣлилъ поступить такъ, явившись въ видѣ монаха къ сторожу часовни Ермолаеву.

Было это въ 1864 году. В. В. Головинъ уѣзжалъ ненадолго въ Тульскую губернію. Въ его отсутствіе къ сторожу пустыньки Ермолаеву явились два старца монаха.

— Нельзя-ли купить часовню и могилу? Схимонахъ Филиппъ Киновійскій прислалъ насъ узнать, онъ хочетъ купить, — спрашивали пришедшіе.

Ермолаевъ передалъ объ этомъ В. В. Головину по его пріѣздѣ, что тотъ встрѣтилъ съ радостію. Хотя часовня принадлежала и не ему, но онъ былъ увѣренъ, что владѣлица ея, г-жа Неттель, не откажется уступить это мѣсто монастырю. Г-жа Неттель выказала готовность не продать Киновіи мѣсто съ часовней, но подарить бесплатно. Послали извѣстить схимонаха Филиппа, но старецъ съ своей стороны былъ чрезвычайно удивленъ. Онъ не только не посылалъ монаховъ освѣдомляться о пустынькѣ, но и не зналъ о ея существованіи, да и старцевъ такихъ, которые приходили къ Семѣну Ермолаеву, въ Киновіи не было. О. Филиппъ такъ и отвѣтилъ, что онъ пустыньки покупать и просить и мысли не имѣлъ.

Г-жа Неттель и В. В. Головинъ усмотрѣли во всемъ этомъ высшее указаніе, и вслѣдъ затѣмъ Зосимова пус-

тынька и 3 десятины земли около нея, были переданы по дарственной записи въ собственность Киновіи, а другая сосѣдняя помѣщица подарила ей же въ 1867 году 7 десятинъ луговъ и лѣса, тоже прилегающихъ къ часовнѣ.

В. В. Головинъ построилъ на этой землѣ двѣ избы и съ того времени стало жить въ пустынькѣ нѣсколько монашествующихъ отъ Киновіи, которые вскорѣ устроили близъ нея большой пчельникъ.

Съ теченіемъ времени была воздвигнута на мѣстѣ деревянной часовни каменная и въ ней доселѣ, при большомъ стеченіи богомольцевъ, совершаются панихиды о упокоеніи схимонаха Зосимы, сподвижниковъ его схимонаховъ Кирилла и Іоны и схимонаха Филиппа, поселившаго здѣсь нѣсколько монашествующихъ изъ Киновіи и возобновившаго чрезъ это древнюю пустыньку. — Вѣчная имъ память!...
